

ЧЕТВЕРГЪ

№ 97

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

за годъ 14 р., за полгода 8 р., за мѣсяць 1 р. 50 к. Безъ доставки подписка не принимается. Служащіе гг. офицеры и гражданскіе чиновники могутъ выписывать чрезъ своихъ казначеевъ, съ разсрочкою.

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ редакціи, въ зданіи Главнаго Штаба, подъѣздъ съ Адмиралтейской площади; въ книжныхъ магазинахъ: главнаго комиссіонера *Русскаго Инвалида*, Я. А. Исакова, въ Гостиномъ дворѣ, по Суком. лин., № 24; А. Ѳ. Вазунова, на Невск. пр., въ д. Ольхиной; А. И. Давыдова, на Невскомъ, противъ Аничкова дворца, домъ Бегрова; въ *Восной Типографіи*, въ зданіи Главнаго Штаба; въ конторахъ редакцій: *Сынъ Отечества* — на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Петропавловской церкви, и *С.-Петербургскія Полицейскія Вѣдомости* — на Адмиралтейской

ГОДЪ

55-й.

РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ

ВѢДОМОСТИ ВОЕННЫЯ, ПОЛИТИЧЕСКІЯ, УЧЕНЫЯ И ЛИТЕРАТУРНЫЯ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО, КРОМѢ ДНЕЙ, СЛѢДУЮЩИХЪ ЗА ТАБЕЛНЫМИ ПРАЗДНИКАМИ.

площади, между Гороховою улицею и Вознесенскимъ проспектомъ, домъ Гамбса, № 8. Въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева (бывш. Вазунова), на Страстномъ бульварѣ; въ почтамтѣ: с.-петербургскомъ и московскомъ, и въ тѣхъ почтовыхъ конторахъ, гдѣ подписка на газеты принимается.

КАЗЕННЫЯ И ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ, для напечатанія въ *Русскомъ Инвалидѣ*, принимаются во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ принимается подписка на газету, за исключеніемъ почтовыхъ конторъ.

11 АПРѢЛЯ

23

1868

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

взимается за 1 разъ, петитомъ — 8 к. за строку. Печатающіе объявленія 3 раза пользуются уступкою. Рекламы 20 к. за строку. За употребленіе рамокъ прибавляется $\frac{1}{4}$ цѣны всего объявленія. За разсылку при газетѣ особыхъ объявленій — по 4 рубля съ тысячи.

ПЛѢНЪ ВЪ БУХАРѢ.

Выѣздъ изъ Ташкента. — Путь до Старога Чиназа. — Нѣсколько словъ объ этомъ городѣ. — Переправа чрезъ Сыръ-Дарью. — Степь. — Мурзарабатъ. — Дальнѣйшій путь. — Приѣздъ въ Джюзакъ и первая встрѣча съ бухарцами. — Вступленіе въ предѣлы бухарскаго ханства. — Яны Курганъ. — Путь по землямъ узбековъ. — Рѣка Заравшанъ-Дарья. — Самаркандъ. — Неутѣшительный въ немъ пріемъ. — Дальнѣйшій путь къ Бухарѣ. — Подозрительность бухарцевъ.

19-го октября 1865 года, въ 2 часа по-полудни, я отправился изъ Ташкента въ Бухару въ сопровожденіи бухарскаго посланника Ишанъ-Ходжи. Погода стояла превосходная. Было даже жарко. Ишанъ-Ходжа спрашивалъ обо всемъ, что встрѣчалъ на пути. Его интересовали и вновь строившаяся крѣпость въ Ташкентѣ, и солдатская слободка, раскинутая на крѣпостной эспланадѣ, и прочія русскія постройки, лежащія на дорогѣ. Вскорѣ мы проѣхали площадь, находящуюся впереди крѣпости, и вступили въ предмѣстья города. Здѣсь, при прощаніи, одинъ татаринъ, провожавшій насъ, сожалѣлъ, что мы ѣдемъ въ такой дальній путь, и сказалъ, со слезами на глазахъ: «что вы, русскіе, всѣ теперь веселы и здоровы, но врядъ ли половина изъ васъ вернется въ Ташкентъ въ такомъ видѣ. Въ Бухарѣ народъ больно нехорошій, вода дурная и климатъ нездоровый. Я тамъ жилъ и больше туда не поѣду». Слова татарина впоследствии оправдались, но тогда весело и беззаботно всѣ двигались по предмѣстьямъ города среди сплошныхъ садовъ, раскинутыхъ на протяженіи нѣсколькихъ верстъ. По выѣздѣ изъ предмѣстій города, мы слѣдовали по большой чиназской дорогѣ. Обработанныя поля, сады и небольшія селенія были разбросаны по ней, а мѣстами лежала и голая степь. Путь нашъ отличался особенною оживленностью. Пѣшеходы, всадники, обозы и караваны безпрестанно попадались намъ на встрѣчу. Мѣстность, по мѣрѣ приближенія къ с. Зингота, дѣлалась обработаннѣе и сады болѣе и болѣе увеличивались. Въ сумерки мы вступили въ с. Зингота, гдѣ и остановились на ночлегъ, въ 16-ти верстахъ отъ Ташкента. Это многолюдное селеніе, раскинувшееся по обѣимъ сторонамъ чиназской дороги, на протяженіи около 4-хъ верстъ, обладаетъ обширными фруктовыми садами и славится на Востокъ гробницею магометанскаго святаго Зинготы и древнею мечетью, постройка которой относится ко временамъ Тамерлана. Эта святыня постоянно привлекаетъ множество богомольцевъ какъ изъ Ташкента, такъ и изъ отдаленныхъ городовъ; особенно громадное стеченіе народа бываетъ въ концѣ августа, когда магометане празднуютъ день своего святаго.

20-го октября, рано утромъ, мы отправились изъ с. Зингота къ Старому Чиназу по обработанной мѣстности. На дорогѣ находилось нѣсколько селеній съ обширными садами, по мѣстамъ, однако, на значительномъ протяженіи ѣхали по голой степи. Чиназскій путь есть одинъ изъ самыхъ оживленныхъ и болѣе посѣщаемыхъ въ Туркестанской области. По немъ производится главная торговая дѣятельность между Ташкентомъ и Бухарой. На 30-й верстѣ отъ Зингота мы миновали с. Старый Ташкентъ, нѣкогда знаменитый городъ, а теперь лежащій въ развалинахъ. Онъ расположенъ на крутой скалѣ, у подошвы которой съ глухимъ ревомъ несется р. Чирчикъ; камыши, болота, пустынные мѣста и только немного обработанныхъ полей и садовъ, — вотъ все, что представляется взорамъ со скалы. Во время полноводія Чирчикъ сильно разливается и затопляетъ свои берега.

Подъѣзжая къ Старому Чиназу, мѣстность дѣлается обработаннѣе и сады увеличиваются. Мы прибыли въ Старый Чиназъ въ 4 часа по-полудни, сдѣлавъ въ этотъ день переходъ около 50-ти верстъ. Осенью 1865 года Старый Чиназъ былъ нашимъ пограничнымъ пунктомъ и на противоположномъ лѣвомъ берегу р. Сыръ-Дарьи находилась, по мнѣнію бухарцевъ, ихъ граница, хотя, на самомъ дѣлѣ, этотъ берегъ никому не принадлежалъ. Въ Старомъ Чиназѣ мы получили болѣе точныя свѣдѣнія, чѣмъ въ Ташкентѣ о голой степи, находящейся между р. Сыръ-Дарьею и кр. Джюзакомъ. Оказалось, что она тянется около 100 верстъ и характеризуется крайнимъ недостаткомъ въ водѣ и отсутствіемъ всякой растительности: все необходимое для продовольствія людей и лошадей надо возить съ собою. Въ виду подобныхъ затрудненій, всѣ стараются пройти эту безводную степь какъ можно скорѣе, чтобы не имѣть въ ней двухъ ночлеговъ. Обыкновенно, обозы и караваны проходятъ ее въ два перехода, имѣя одинъ только ночлегъ въ Мурзарабатѣ. Намъ пришлось слѣдовать этому обычаю. Сдѣлавши въ Старомъ Чиназѣ запасъ дровъ, воды, фуража и провіанта, мы предполагали отправиться изъ Старога Чиназа рано утромъ, 21-го октября, но продолжительность переправы черезъ р. Сыръ-Дарью, большой переходъ около 60-ти верстъ до Мурзарабата, и от-

сутствие удобныхъ мѣстъ для ночлега, кромѣ Мурзарабата, были причинами, что 21-го октября только казаки съ тяжестями переправились на лѣвый берегъ р. Сырь-Дарьи. Тамъ они имѣли ночлегъ, а всѣ наши офицеры и бухарское посольство провели этотъ день въ Чиназѣ.

Гор. Старый Чиназъ производитъ на всѣхъ проезжающихъ самое тяжелое впечатлѣніе по своему нездоровому климату. Здѣсь считается около 2,000 жителей. Сады и хлѣбопашество города ничтожны. Чиназъ нуждается во всемъ. въ дровахъ, въ строевомъ лѣсѣ, въ клеверѣ и даже въ хлѣбѣ; все это продается здѣсь по слишкомъ дорогой цѣнѣ. Самая большая часть потребностей для войскъ и даже жителей привозится или изъ Ташкента, или изъ Зачирчикскаго края; въ Старомъ Чиназѣ нѣтъ даже хорошей воды, и чтобы имѣть сносную воду, надо ее возить изъ Чирчика, находящагося въ 5-ти верстахъ отъ города. Базаръ Чиназа небольшой, и оживляется только въ торговые дни, когда съѣзжаются окрестные жители. Базарная площадь находится у подошвы цитадели, расположенной на крутой горѣ и окруженной съ противоположной стороны камышами и болотами, которыя при сильныхъ жарахъ быстро испаряются и страшно заражаютъ воздухъ зловредными миазмами. Вообще чиназская мѣстность отличается весьма нездоровымъ климатомъ, и нашъ гарнизонъ сильно страдалъ отъ разныхъ болѣзней.

22-го октября, мы отправились изъ Старого Чиназа къ пристани, находящейся на р. Сырь-Дарьѣ, въ 5-ти верстахъ отъ города. Дорога сперва пролежала среди обработанныхъ полей, но потомъ шла по пескамъ. Дойдя до р. Сырь-Дарьи, мы остановились на крутомъ песчаномъ берегу, съ котораго былъ удобный спускъ къ рѣкѣ. Здѣсь и находилась пристань, хотя нигдѣ вокругъ насъ не было ни одной лодки, ни одного зданія, ни одного шалаша и даже ни одной юрты; на противоположномъ берегу также ничего не виднѣлось. Только послѣ криковъ нашихъ киргизовъ показалась барка, которую нѣсколько человекъ тянули вверхъ по рѣкѣ, вдоль лѣваго ея берега. Когда она пристала къ нашему берегу, то была немедленно нагружена. Отчаливъ отъ берега, перевозчики управляли баркою веслами, которыя были ничто иное, какъ толстые короткіе шесты, съ небольшимъ утолщеніемъ на одномъ концѣ. Барка плыла по теченію рѣки, пока она не пристала къ противоположному берегу, гдѣ началась выгрузка. Въ два приема всѣ наши тяжести были перевезены. Пока производилась переправа, мы находились уже на лѣвомъ берегу и въ послѣдній разъ пили чай въ виду русскаго берега. Здѣсь, можетъ быть, въ головѣ каждаго изъ ѣхавшихъ въ Бухару роилось много мыслей, но, вообще, никто ничего не высказывалъ. Только одинъ ташкентскій купецъ, ѣхавшій съ нами въ Бухару, за полученіемъ долга съ бухарскаго купца, пришелъ въ глубокое раздумье: ѣхать ли ему далѣе, или нѣтъ? Но и онъ, послѣ нѣкотораго колебанія, рѣшился отправиться далѣе. Бухарцы же съ наслажденіемъ пили зеленый чай и сообщали намъ, съ особеннымъ удовольствіемъ, что мы находились на бухарской землѣ и въ гостяхъ у эмира. Вскорѣ мы отправились далѣе. Нѣсколько верстъ ѣхали среди камышей, а потомъ вступили въ голую, необозримую степь. Вдали виднѣлись развалины какой-то крѣпости и камыши, за которыми, какъ говорили, находилось озеро или разливъ Сырь-Дарьи. Когда и это скрылось, то глазамъ не на чѣмъ было остановиться, какъ на небольшомъ нашемъ караванѣ; вокругъ насъ было все пусто и безжизненно, не существовало даже никакой растительности. Одно, что только доставляло нѣкоторую отраду, такъ это превосходная дорога, которая пролежала по совершенно ровной и гладкой степи. Хотя октябрь мѣсяцъ и приближался къ концу, но здѣсь не было замѣтно никакихъ слѣдовъ дождей, погода стояла отличная: въ полдень было даже весьма тепло и только вечеромъ, и особенно ночью, дѣлалось холодно. Слѣдуя по весьма торной дорогѣ, можно было убѣдиться, что по ней, не смотря на безводность степи, происходитъ довольно большое движеніе. На всемъ протяженіи, отъ лѣваго берега Сырь-Дарьи до кр. Джюзакъ, находятся только въ трехъ мѣстахъ ничтожные колодцы съ горько-соленою водою; кромѣ ихъ, есть еще двѣ каменные сводчатые башни, сложенные изъ обожженнаго кирпича и предназначенныя для храненія воды, которой однако во время нашего слѣдованія не было вовсе. Вотъ все, что встрѣчается среди степи на протяженіи болѣе 100 верстъ. Первые колодцы съ горько-соленою водою, подъ названіемъ Куркта, находятся на 18-й верстѣ отъ лѣваго берега Сырь-Дарьи. Глубина ихъ около 10-ти сажень. Въ 16-ти верстахъ отъ нихъ расположены колодцы Яны-Кудукъ, также съ горько-соленоватой водою. Близъ нихъ раскинуты были юрты киргизовъ, кочевавшихъ здѣсь съ своими стадами.

У колодцевъ Яны-Кудукъ былъ нами сдѣланъ кратковременный привалъ, послѣ котораго мы опять отправились по совершенно ровной и гладкой степи. Прѣхавши болѣе 10-ти верстъ, мы увидѣли большое красивое каменное зданіе, довольно замѣчательной архитектуры. Это былъ Мурзарабатъ. Невольно всѣ удивлялись возможности постройки его среди окружающей пустыни. Мурзарабатъ состоитъ изъ двухъ, совершенно отдѣльныхъ зданій: одно изъ нихъ имѣетъ видъ большой сводчатой башни, изъ обожженнаго кирпича, шесть сажень въ діаметръ и углубленной въ землю на нѣсколько сажень. Расположенная въ небольшой ложбинѣ, эта башня кажется довольно низкою; она служитъ для стока воды и носитъ названіе «сардава». Весною, при таяніи снѣга, вода, посредствомъ когда-то сдѣланныхъ канавъ, проходитъ въ башню, гдѣ и сохраняется, по словамъ вожаковъ, только до іюня мѣсяца, послѣ чего она высыхаетъ. Хотя на днѣ башни и остается колодезь; но въ немъ не бываетъ воды. Другое зданіе Мурзарабата состоитъ изъ высокой куполообразной башни, окруженной съ четырехъ сторонъ довольно красивымъ сводчатымъ навѣсомъ изъ ряда арокъ. Вся

эта постройка служить помѣщеніемъ для путниковъ и проходящихъ каравановъ.

Расположенный на половинѣ пути, между лѣвымъ берегомъ Сыръ-Дарьи и кр. Джюзакъ, Мурзарабатъ даетъ возможность укрываться караванамъ и обозамъ, какъ отъ сильныхъ жаровъ, такъ и отъ зимнихъ бурановъ, но, къ сожалѣнію, въ немъ мало воды. Близъ башенъ находится только одинъ коледезъ съ весьма ограниченнымъ количествомъ горькосолоной воды, которая такъ дурна и мутна, что даже лошади пьютъ ее неохотно. Привезенная съ нами прѣсная вода оказалась необходимою для насъ. Она была распределена между людьми, и только въ небольшомъ количествѣ давалась лошадямъ, часть ея была оставлена на другой день для предстоявшаго большого перехода по безводному пространству. По прибытіи въ Мурзарабатъ, дрова и провізія также были распределены между бухарцами, казаками и нашими киргизами. Для Ишанъ-Ходжи и нашихъ офицеровъ были раскинуты палатки, а люди посольства помѣстились въ зданіяхъ Мурзарабата, которыя хотя и сложены изъ обожженного кирпича, но видимо приходятъ въ упадокъ и обваливаются. Вездѣ кругомъ зданій лежали въ большомъ количествѣ кирпичи и никто не наблюдалъ за поддержаніемъ зданій. Между тѣмъ Мурзарабатъ, по своей постройкѣ и древней архитектурѣ, составилъ бы украшеніе любого среднеазіатскаго города; находясь же въ пустынѣ, онъ напоминаетъ блестящую эпоху процвѣтанія городовъ и торговли въ Средней Азіи. Теперь можно только удивляться, какъ Мурзарабатъ могъ быть воздвигнутъ изъ обожженного кирпича, въ мѣстности, гдѣ нѣтъ ни горючихъ матеріаловъ, ни воды даже для каравановъ. Остается предполагать, что или населенная полоса земли кончалась не далеко отъ Мурзарабата, или все необходимое для построекъ возилось издалека. Дѣйствительно, по дорогѣ къ Джюзаку замѣтны были слѣды бывшаго канала, но какъ о направленіи, такъ и о протяженіи его пока еще ничего неизвѣстно. Вообще, происхожденіе Мурзарабата весьма интересно въ историческомъ отношеніи, но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще объ немъ нѣтъ никакихъ точныхъ свѣдѣній.

Въ Мурзарабатъ мы провели ночь, и на другой день, 23-го октября, рано утромъ, отправились далѣе по безводной степи, около 50-ти верстъ, до урочища Учъ-Тюбе. На 28-й верстѣ отъ Мурзарабата встрѣтили каменную башню (сардава). Она также была сложена изъ обожженного кирпича, но воды въ ней не оказалось. Приближаясь къ урочищу Учъ-Тюбе, мѣстность измѣнила видъ: вдали лежали снѣговья Уратюбинскія и черныя Джюзакскія горы, у подшвы которыхъ раскинулся городъ Джюзакъ. Близъ Учъ-Тюбе находились поля, а на самомъ урочищѣ былъ родникъ съ соленоватою водою, гдѣ обыкновенно караваны останавливаются на привалъ. На пути къ этому урочищу бухарскій посланникъ объявлялъ намъ, что тамъ для насъ приготовлены юрты и угощеніе. Послѣ кратковременнаго отдыха на Учъ-Тюбе, мы двинулись къ Джюзаку, расположенному въ 8-ми верстахъ отъ него. По обѣимъ сторонамъ дороги находились сплошныя обработанныя поля и искусственныя каналы съ водою. Вступивъ въ предмѣстія города, мы ѣхали среди непрерывныхъ садовъ. Въ Джюзакѣ есть цитадель, но нѣтъ рѣзкаго разграниченія между предмѣстіями и городомъ. Они сливаются вмѣстѣ и между ними нѣтъ городской стѣны, которая раздѣляла бы ихъ на подобіе почти всѣхъ среднеазіатскихъ городовъ. Вечеромъ, когда было уже темно, мы прибыли въ Джюзакъ. Люди и лошади, не смотря на всѣ трудности похода по безводной степи, перенесли весьма удачно два большихъ перехода, каждый около 60 верстъ, и разстояніе отъ Чиназа до Джюзака пройдено было въ двое сутокъ. По пріѣздѣ въ Джюзакъ, намъ отвели въ лѣтнемъ домѣ джизакскаго бека нѣсколько комнатъ, устланныхъ коврами. Вслѣдъ затѣмъ немедленно явилась бухарская прислуга. Положивъ пеструю скатерть на ковры, она разставила на ней обильное угощеніе, которое состояло, по крайней мѣрѣ, изъ 20 блюдъ. На большихъ мѣдныхъ подносахъ лежали лепешки, арбузы, дыни, виноградъ, миндаль, фисташки, леденцы, урюкъ, изюмъ, разныя сласти, чай и, наконецъ, двѣ головки сахара. Спустя нѣсколько минутъ подали пловъ и шурпу (чрезвычайно жирный бульонъ, сваренный изъ баранины). На другой день джизакскій бекъ прислалъ сына своего извиниться, что онъ, не смотря на все свое желаніе, не можетъ мавѣстить насъ безъ разрѣшенія эмира. Ишанъ же Ходжа, придя къ намъ, просилъ надѣть парадную форму и показаться народу, который домогался насъ видѣть. Для этого онъ приготовилъ угощеніе на террасѣ, выходящей на дворъ, куда Ишанъ-Ходжа и пригласилъ насъ. Народъ толпился какъ на дворѣ, такъ и на улицахъ. Въ бухарцахъ было возбуждено крайнее любопытство видѣть русскихъ людей, которыхъ они прежде считали за ничто сверхъестественное. Натянутыя отношенія Бухары къ Россіи нисколько не вліяли на народъ, который не только не дѣлалъ никакихъ демонстрацій противъ насъ, но даже въ немъ не было замѣтно какихъ либо знаковъ нерасположенія къ намъ. Что же касается администраціи бухарскаго эмира, то, при одномъ шагѣ въ первый его городъ, можно было убѣдиться, что положеніе русскихъ подданныхъ здѣсь крайне тяжелое и весьма опасное. Не смотря на всѣ мѣры, принятыя бухарцами, чтобы до насъ ничего не доходило и на опасность подвергнуться жестокимъ наказаніямъ за сношенія съ нами, одинъ казанскій татаринъ успѣлъ войти къ намъ въ комнату и сообщалъ, что здѣсь сильно притѣсняютъ нашихъ купцовъ, и что онъ желалъ бы отсюда бѣжать, но не знаетъ, какъ это сдѣлать. Всѣхъ подробностей нельзя было распросить, потому что вокругъ насъ были шпіоны, которые слѣдили за малѣйшимъ нашимъ движеніемъ. Шпіонство въ Бухарскомъ ханствѣ развито до такой степени, что трудно было бы повѣрить возможности подобной организаціи, если бы мы сами не убѣдились въ существованіи ея во время дол-

современнаго нашего пребыванія во владѣніяхъ эмира. Это шпионство, а также чрезвычайная подозрительность бухарскихъ властей и опасеніе, чтобы насъ самихъ не приняли за шпионовъ, уничтожали всякую возможность собирать свѣдѣнія о неизвѣстномъ краѣ. Намъ вовсе нельзя было ѣздить въ городъ. Бухарцы весьма неохотно разрѣшили только одному изъ нашихъ офицеровъ сходить на базаръ, въ сопровожденіи ихъ чиновниковъ. Не встрѣтивъ въ городѣ обидъ со стороны народа и сдѣлавши необходимыя закупки, подноручикъ Колесниковъ успѣлъ нѣсколько осмотрѣть базаръ и часть городскихъ стѣнъ. Оказалось, что въ сѣверной части города на возвышенности находилась цитадель, обнесенная двумя глиняными стѣнами и рвами, наполняющимися, въ случаѣ надобности, водою. Глубина рва приблизительно была около 2-хъ сажень, а ширина до 4-хъ сажень; высота наружной стѣны 10 футовъ, внутренней 13, а разстояніе одной отъ другой было 8—9 сажень. Въ сѣверо-западномъ углу цитадели былъ устроенъ валъ, обстрѣливающий весь городъ.

24-го октября 1865 года мы оставили г. Джюзакъ и отправились по самаркандской дорогѣ среди большихъ массъ народа, толпившагося на улицахъ. По желанію Ишанъ-Ходжи, всѣ ѣхали въ полной парадной формѣ до ущелія. Около четырехъ верстъ дорога шла вдоль подошвы Джюзакскихъ горъ, среди сплошныхъ садовъ, потомъ она пролегала по ущелію Джаманъ-Уты, которое тянется около семи верстъ до самаго узкаго своего мѣста. Это ущеліе образуется крутыми обрывами Джюзакскихъ горъ, у подножія которыхъ изрѣдка, въ разныхъ мѣстахъ, были разбросаны обработанныя поля и небольшія селенія. По ущелю Джаманъ-Уты протекаетъ быстрая рѣка того же названія, берега которой, большею частію, круты и обрывисты. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка пересѣкаетъ дорогу, находится мельница. Минувавъ ее, ущеліе суживается до сорока сажень ширины. Здѣсь высота двухъ отвѣсныхъ скалъ, среди которыхъ несется Джаманъ-Ута, простирается около 50-ти сажень. Эти скалы и ущеліе Джаманъ-Уты были свидѣтелями великихъ переворотовъ, совершавшихся на Востокѣ. Не только полчища Чингизъ-хана, Тамерлана, Бабера и другихъ восточныхъ повелителей проходили здѣсь, но даже и войска Александра Великаго. На одной изъ скалъ до сихъ поръ еще сохранился историческій памятникъ бывшихъ дѣяній. На правой скалѣ находится доска, гдѣ описанъ подвигъ Тамерлана, который съ 40,000 войскъ разбилъ нѣсколько сотъ тысячъ (400,000) кипчаковъ. О значеніи этой доски сообщилъ намъ Ишанъ-Ходжи, но, къ сожалѣнію, никто изъ присутствовавшихъ лицъ не могъ прочесть написаннаго на ней. Послѣ кратковременнаго привала у подошвы правой скалы, мы двинулись далѣе по ущелію. Начиная отъ Джаманъ-Утинскихъ скалъ оно расширялось и вскорѣ дорога вышла изъ горъ. Пройдя Джюзакскія горы, мы вступили въ настоящее бухарское ханство, которое собственно состоитъ изъ Зарявшанской долины, окруженной со всѣхъ сторонъ или хребтами горъ, или песчаными пустынями. На востокъ и сѣверо-востокъ бухарское ханство отдѣляется отъ Сыръ-Дарьинскаго бассейна снѣговыми отрогами Тяньшана и Джюзакскими горами; на югъ тянутся самаркандскія и каршинскія горы и пески, простирающіеся до Аму-Дарьи, а на сѣверъ бухарскаго ханства лежатъ Нуратинскія горы, различные ихъ отроги и, наконецъ, пески Кизилъ-Кумъ. Вдоль подошвы Нуратинскихъ и Джизакскихъ горъ, по заявленіямъ бухарцевъ, тянется кольцо, въ видѣ оазисовъ, обработанная и населенная полоса земли. Обиліе воды даетъ здѣсь всѣ средства для успешной обработки полей, особенно у подошвы Джюзакскихъ горъ, гдѣ протекаетъ рѣка Джаманъ-Ута и другія рѣчки, которыя орошаютъ на значительное пространство окрестныя мѣстности.

Въ окрестностяхъ крѣпости Яны-Курганъ находится много селеній, но близъ цитадели раскинуто только бухарская слободка съ базаромъ; самая же крѣпость, расположенная на высотѣ, ничтожна и стѣны ея чрезвычайно слабы. Хлѣбопашество и сады здѣсь незначительны. По пріѣздѣ въ крѣпость, намъ немедленно подали угощеніе и всѣмъ отпустили казенное содержаніе; вообще, начиная отъ Джюзакъ и до г. Бухары беки продовольствовали людей и лошадей на счетъ казны; только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ намъ приходилось дѣлать мелочные расходы и иногда прикупать для казачьихъ лошадей ячмень и клеверъ, отпускаемый въ небольшомъ размѣрѣ. Но это было сопряжено съ большими затрудненіями, потому что бухарцамъ было запрещено продавать намъ что либо. Въ Яны-Курганѣ сдѣлалось намъ извѣстнымъ, что недалеко отъ нея, около 20-ти верстъ, дороги раздѣляются: одна идетъ на Самаркандъ, а другая поворачиваетъ на-право и идетъ вдоль праваго берега р. Зарявшанъ-Дарьи, прямо на г. Бухару, черезъ слѣдующія селенія: Крыкъ-Булакъ (40 верстъ), Амамакуръ (17 верстъ), Яны-Таклы (36 верстъ), Дюванъ-Хана (18 верстъ), кр. Митанъ (18 верстъ), с. Яръ-Банн (30 верстъ), Учъ-Тутъ (30 верстъ), кр. Арабъ-Хана (24 версты), потомъ чрезъ небольшіе рабаты (хуторы), около 90 верстъ, долиною р. Зарявшанъ-Дарьи черезъ крѣпость Вафканъ до г. Бухары. Эта дорога служитъ обыкновенно для прохода каравановъ, которые здѣсь имѣютъ возможность пасти верблюдовъ въ близъ-лежащихъ степяхъ. Весною и осенью, когда р. Зарявшанъ-Дарья сильно разливается, сюда также направляются изъ Бухары обозы, идущіе въ Джюзакъ; въ обыкновенное же время обозы слѣдуютъ въ Бухару по самаркандской дорогѣ, которая, хотя и длиннѣе, но имѣетъ больше удобствъ для перевозки тяжестей.

25-го октября мы отправились изъ Яны-Кургана по самаркандской дорогѣ, прошли небольшую голую степь и вступили на земли, принадлежащія разнымъ родамъ узбековъ. На переходѣ къ с. Кишъ-Купру, многочисленная толпа ихъ бросилась на встрѣчу, чтобы провожать насъ. Дикій видъ, необузданный характеръ, полужави-

стіанамъ, заставляли Ишанъ-Ходжу невольно опасаться за нашу безопасность. Было довольно затруднительное положеніе, когда узбеки окружили насъ со всѣхъ сторонъ: они такъ сурово смотрѣли, что на расположеніе ихъ вовсе нельзя было рассчитывать. Изъ толпы уже лѣтели камни въ казаковъ, и воззваніе одного какого нибудь фанатика могло взволновать всѣхъ узбековъ. Между тѣмъ ничего нельзя было дѣлать, ибо малѣйшая неосторожность могла бы послужить къ прискорбному кровопролитію; только спокойствіе и хладнокровіе, съ которыми двигались казаки и джигиты, а также присутствіе бухарскаго посланника содѣйствовали благополучному проѣзду. Узбеки принадлежатъ къ самымъ сильнымъ и воинственнымъ племенамъ бухарскаго ханства. Они всегда образуютъ кавалерію эмира, составляютъ большую и лучшую часть его арміи и славятся въ Бухарѣ какъ отличные наѣздники. Различные роды ихъ разбросаны по всему ханству и раздѣляются на осѣдлыхъ, кочующихъ земледѣльцевъ и кочующихъ. Густая населенность Бухары и крайній недостатокъ въ пастбищахъ препятствуютъ узбекамъ имѣть большіе табуны, подобно нашимъ киргизамъ. Въ этомъ отношеніи выгодно обставлены только узбеки, населяющіе сѣверо-восточную часть бухарскаго ханства, между Джюзаконъ и Самаркандомъ. Здѣсь узбеки, пользуясь привольемъ въ лугахъ и плодородіемъ земель, содержатъ значительные табуны лошадей. Это занятіе и полукочевая жизнь развиваютъ въ узбекахъ наѣздничество и удалство. Они мало подчиняются эмиру, а тѣ, которые кочуютъ въ Джюзакскихъ и Ура-Тюбинскихъ горахъ, часто вовсе не признаютъ его власть. Во время похода эмира въ Коканъ, въ 1865 году, узбеки, будучи весьма недовольны имъ, сильно волновались, овладѣли было Самаркандомъ и едва не провозгласили другаго эмира. Только возвращеніе его съ арміею изъ Кокана положило конецъ этимъ волненіямъ. Узбеки съ особеннымъ успѣхомъ занимаются и земледѣліемъ. По вступленіи на ихъ земли, находящіяся за Яны-Курганомъ, мѣстность измѣнила свой пустынный видъ. Безпрестанно встрѣчались обработанныя поля, сады, искусственныя каналы, постоянныя дворы и большія селенія, а вдали видѣлись отличныя долины, плодородіе и богатство которыхъ восхвалялъ Ишанъ-Ходжа. Въ особенности хорошо обработанная и густонаселенная мѣстность находилась за крѣпостью Акъ-Курганъ. Обширные сады, многолюдныя селенія, множество арыковъ и искусственныхъ канавъ явно свидѣтельствовали о хорошемъ состояніи земледѣлія. Отсюда началась знаменитая долина Міанкаль, которая на всемъ востокѣ славится необыкновеннымъ своимъ плодородіемъ и богатствомъ. По словамъ Ишанъ-Ходжи, по теченію р. Зарявшанъ-Дарьи тянется на 500 верстъ непрерывный рядъ садовъ и обработанныхъ полей. На одной только этой рѣкѣ основывается вся сила и значеніе Бухары. Рѣка Зарявшанъ-Дарья кормитъ и обогащаетъ все народонаселеніе ханства, доставляя ему драгоцѣнные продукты: хлопокъ, шелкъ, марену и фрукты, которые всегда находятъ себѣ вѣрный сбытъ въ сосѣднихъ странахъ, преимущественно въ Россіи.

Переночевавши въ с. Чимбай, мы, 26-го октября, отправились далѣе и слѣдовали также по весьма обработанной и густонаселенной мѣстности. Только близъ р. Зарявшанъ-Дарьи, по обоимъ ея берегамъ, тянулись на небольшомъ протяженіи голые пески, потопляемые въ половодіе ея разливами. Рѣка течетъ здѣсь чрезвычайно быстро и раздѣляется на нѣсколько рукавовъ; переправа въ бродъ черезъ нихъ сопряжена съ большимъ затрудненіемъ для обозовъ, особенно во время половодія она бываетъ на столько опасна, что совершенно прекращается. Переправившись черезъ Зарявшанъ, мы остановились на одномъ арыкѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Самарканда, гдѣ Ишанъ-Ходжа предложилъ намъ переодѣться для торжественнаго вступленія въ бывшую столицу Тамерлана. По его желанію, мы вступили въ Самаркандъ въ полной парадной формѣ. Въ городѣ уже знали о нашемъ прибытіи и многочисленныя толпы народа ожидали на всѣхъ улицахъ нашего появленія; особенно многолюдно было стеченіе народа на обширномъ базарѣ съ готическими кирпичными сводами. Подобныя постройки и каменные мечети, изрѣдка попадавшіяся на пути и воздвигнутыя въ минувшія времена, рѣзко бросались въ глаза среди глинянаго города Самарканда. На улицахъ же массы зрителей были такъ густы, что едва оставалось мѣсто для проѣзда тремъ всадникамъ. Не смотря на святость мусульманскаго города и натянутыя отношенія, въ которыхъ Бухара находилась съ Россіею, народъ не выказывалъ ни малѣйшихъ знаковъ нерасположенія къ намъ.

Проѣзжая чрезъ одни сводчатыя кирпичныя ворота, мы встрѣтили караулъ, стоящій по обѣимъ сторонамъ улицы и вооруженный дротиками, палицами, топорами и другими разнообразными принадлежностями. При проѣздѣ нашемъ, онъ сдѣлалъ нѣчто похожее на нашу команду «на караулъ». Шествіе по всѣмъ многолюднымъ улицамъ продолжалось около 4½ часа. Наконецъ мы остановились подлѣ одного дома. Войдя въ комнаты, отведенныя для насъ и устланныя коврами, мы не нашли никакого угощенія: призывакъ весьма дурной на Востокѣ. Только спустя нѣсколько времени намъ подали угощеніе, но оно было и бѣднѣе, и менѣе разнообразно, чѣмъ въ Джюзакѣ. Вообще пріемъ, сдѣланный намъ въ Самаркандѣ, произвелъ на насъ тяжелое впечатлѣніе. По всему было видно, что обстоятельства еще не разъяснились и что наше положеніе было неопредѣленное. Особенно это сдѣлалось замѣтнымъ по отвѣтамъ на наши заявленія. Пріѣхавши въ Самаркандъ, моя болѣзнь усилилась и я находился въ довольно опасномъ положеніи, за неимѣніемъ доктора и медицинскихъ средствъ. Ишанъ-Ходжѣ была выставлена необходимость отправить нарочнаго въ г. Ташкентъ за докторомъ. Какъ на это, такъ и на представленія: или отправить меня обратно въ Ташкентъ, или пригласить ко мнѣ мѣстныхъ докторовъ, или дать дневку въ Самаркандѣ для

отдыха, последовалъ полный отказъ. Намъ предложили немедленно ѣхать далѣе, такъ какъ самаркандскій бекъ не ручался за нашу безопасность отъ раздраженнаго, будто бы, народа. Послать нарочнаго къ эмиру, за необходимымъ разрѣшеніемъ нашихъ требованій, также не согласились. На это отвѣтили, что, по прибытіи въ Бухару, эмиръ можетъ отправить нарочнаго въ Ташкентъ и прислать ко мнѣ хорошихъ докторовъ, которые, будто бы, при немъ находились. По примѣру Джюзакъ, мы хотѣли и въ Самаркандѣ послать на базаръ людей для покупки разныхъ вещей. Это было не охотно разрѣшено, и едва наши киргизы вышли на улицу, какъ народъ началъ бросать въ нихъ камни. По всей вѣроятности, враждебная демонстрація произошла вслѣдствіе подстрекательства мѣстныхъ властей. По словамъ Ишанъ-Ходжи, видно было, что самаркандскій бекъ не благоволилъ къ намъ и что Ишанъ-Ходжа не могъ ничего дѣлать безъ его разрѣшенія. Онъ сообщилъ еще намъ, что насъ принимаютъ за шпионовъ и что эмиръ въ Бухарѣ собиралъ совѣтъ, на которомъ предлагали задержать насъ въ Самаркандѣ, но эмиръ не согласился на это. Ишанъ-Ходжа особенно желалъ осмотрѣть телескопъ, находившійся у бывшего съ нами чиновника. Только внезапный нашъ отъѣздъ помѣшалъ исполненію его желанія и астрономическому опредѣленію Самарканда.

Не получивъ разрѣшенія сдѣлать дневку въ г. Самаркандѣ, мы принуждены были немедленно выѣхать изъ него. У воротъ, гдѣ стояли наши арбы и верховыя лошади, собралось множество народа и стояла бухарская стража. Намъ не было извѣстно, находилась ли она для наблюденія за порядкомъ, или для того, чтобы, въ случаѣ нужды, выпроводить насъ. Какъ бы то ни было, но 27-го октября меня положили на арбу и мы двинулись, среди густыхъ массъ народа, по предмѣстіямъ Самарканда. Выйдя изъ сплошныхъ садовъ, мы направились къ сел. Дауль (24 версты) и вплоть до г. Бухары (около 250 верстъ) слѣдовали по лѣвому берегу р. Зарявшанъ-Дарьи, къ которому близко подходятъ отроги сосѣднихъ горъ. Они образуютъ нагорную долину, перерѣзанную во многихъ мѣстахъ незначительными оврагами и большими балками отъ 300—500 саж., лежащими на дорогѣ. Подъемы и спуски здѣсь очень круты. Переходы дѣлаются особенно затруднительными осенью и весной, когда рѣчки разливаются, а дороги чрезвычайно портятся и превращаются въ едва проходимую грязь. Дорога имѣетъ подобный характеръ до кр. Катты-Курганъ, за которою долина значительно расширяется, а горы отходятъ далѣе на югъ. Около с. Каррасу, въ 14-ти верстахъ отъ Катты-Кургана, полковникъ Татариновъ нашелъ, что балки схожи съ южно-русскими балками, гдѣ находится каменный уголь. На обратномъ пути изъ Бухары въ р. Каррасу дѣйствительно была обнаружена углистая глина. Въ мѣстности отъ Самарканда до Катты-Кургана сады и селенія встрѣчались часто, но большею частью лежали обширныя пустынные полосы земли. Видно было, что нагорная долина не вездѣ имѣетъ всѣ удобства для успѣшной обработки земли. Только приближаясь къ Катты-Кургану количество обработанныхъ полей увеличивается, садоводство дѣлается обширнѣе, число многолюдныхъ селеній возрастаетъ, населеніе дѣлается гуще, а дорога становится оживленнѣе отъ безпрестаннаго движенія всадниковъ, пѣшеходовъ и обозовъ. Это было яснымъ признакомъ, что знаменитая долина Міанкаль (по теченію р. Зарявшана), находившаяся до сихъ поръ значительно правѣе, подходитъ ближе къ дорогѣ и придаетъ ей особенную жизнь и дѣятельность. Катты-Курганъ служитъ центромъ управленія всего Катты-Курганскаго округа, населеннаго многочисленными, сильными и воинственными узбекскими родами. Эта крѣпость играетъ весьма важную роль на среднемъ теченіи р. Зарявшанъ-Дарьи. Она расположена на высотѣ и обнесена большимъ валомъ съ глубокимъ рвомъ.

Мы прибыли въ Катты-Курганъ вечеромъ 28-го октября. На другой же день, 29-го октября, рано утромъ, мы оставили его. Двигаясь въ г. Бухару по долинѣ рѣки Зарявшанъ-Дарьи, мы прошли пространство между этимъ городомъ и Катты-Курганомъ въ пять переходовъ: 1-й переходъ—кр. Кале, 42 версты; 2-й—30-го октября, с. Ханъ-Червакъ, 55 верстъ; 3-й—31-го октября, с. Хужа-Бустанъ, 36 верстъ; 4-й—1-го ноября, с. Ташъ-Купру, 45 верстъ, и, наконецъ, 5-й переходъ—2-го ноября, г. Бухара, 9 верстъ. Начиная отъ Катты-Кургана и до самой Бухары, дорога пролегла по мѣстности весьма хорошо обработанной, густо населенной и устѣянной обширными садами, многочисленными каравансараями, многолюдными селеніями и значительными городами, изъ которыхъ кр. Кермине обращаетъ на себя особенное вниманіе, какъ центръ управленія округомъ Кермине. Дорога вездѣ ровная и во многихъ мѣстахъ на протяженіи 10-ти и болѣе верстъ шла среди сплошныхъ садовъ. Въ селеніяхъ и городахъ улицы были такъ узки, что двумъ арбамъ нельзя разѣхаться. На пути часто встрѣчались базары, которые отличались особеннымъ многолюдствомъ. Вездѣ были видны признаки торговой дѣятельности и значительной степени развитія земледѣлія. Земля въ Бухарѣ весьма цѣнна и ею такъ дорожатъ въ долинѣ Зарявшана, что нѣтъ клочка удобной земли, находящагося близъ проточной воды, который не былъ бы обработанъ. Въ эту населенную и плодородную мѣстность между Катты-Курганомъ и Бухарой врывается, однако, песчаная степь Маликъ за нѣсколько верстъ до развалинъ с. Маликъ и тянется далѣе за с. Маликъ до с. Хужа-Бустанъ (около 30-ти верстъ). Кромѣ этого, въ разныхъ мѣстахъ, по обѣимъ сторонамъ дороги до начала степи Маликъ, пустынные полосы земли прерывали обработанные участки. Но отъ с. Хужа-Бустана до г. Бухары дорога пролегла среди обширныхъ садовъ и сплошныхъ обработанныхъ полей. Многолюдныя селенія здѣсь встрѣчались безпрестанно и мѣстность изрѣзана безчислен-

ными арыками. По мѣрѣ приближенія къ Бухарѣ, населеніе дѣлалось гуще и путь становился оживленнѣе отъ снующихъ взадъ и впередъ пѣшеходовъ, всадниковъ, обозовъ и каравановъ. Въ 9-ти верстахъ отъ Бухары мы миновали могилу знаменитаго мусульманскаго святаго Богоуедина, куда стекаются богомольцы изъ самыхъ отдаленныхъ мусульманскихъ странъ. Въ нѣсколькихъ же верстахъ отъ Бухары мы ѣхали вдоль большаго канала Зарявшана, на которомъ находились лѣсныя пристани, куда сплавляется лѣсъ, назначаемый изъ долины Міанкала въ г. Бухару. Каналъ Зарявшанъ проведенъ для орошенія всего города и всѣхъ его окрестностей. Не смотря, однако, на это, въ Бухарѣ ощущается большой недостатокъ въ водѣ, которою тамъ такъ дорожатъ, что для равномернаго ея распредѣленія учреждены особенныя власти, назначающія дни и часы, когда будетъ пускаться вода по извѣстнымъ кварталамъ. Если въ это время жители не успѣютъ провести ее на свои участки и наполнить водою свои хаузы (пруды на каждомъ дворѣ), то они остаются безъ воды до слѣдующей очереди. Подобная система орошенія полей существуетъ и во всей Зарявшанской долинѣ, гдѣ тщательная обработка земли доказываетъ ясно, что земледѣльческая промышленность весьма выгодна въ ханствѣ. Ею занимается все осѣдлое народонаселеніе Бухары, и земледѣліе пользуется полнымъ уваженіемъ со стороны бухарцевъ, не смотря на всѣ неусыпныя труды и заботы, съ которыми оно сопряжено. Даже капиталисты, которые занимаются торговлею, обращаютъ на земледѣліе особенное свое вниманіе, преимущественно на садоводство. Въ г. Бухарѣ есть особенный классъ промышленниковъ, которые только и занимаются перепродажею голыхъ степей, превращаемыхъ въ плодородныя земли посредствомъ различныхъ удобреній, возимыхъ изъ города.

По всему тому, что мы встрѣчали во время проѣзда по ханству, видно было, что земледѣліе въ Бухарѣ стоитъ на значительной степени развитія. Но собрать основательныя свѣдѣнія, какъ о его положеніи, такъ и вообще о состояніи бухарскаго ханства оказалось невозможнымъ. Мы были въ странѣ, хотя плодородной и богатой, но въ такой странѣ, гдѣ, по выраженію Вамбери, смотрѣть считается безстыдствомъ, спрашивать—преступленіемъ, а записывать—смертнымъ грѣхомъ; гдѣ cadaго иностранца считаютъ шпиономъ и держать подъ самымъ строжайшимъ надзоромъ. Въ подобномъ положеніи мы находились во все время семимѣсячнаго пребыванія нашего въ бухарскомъ ханствѣ. Оттуда въ Россію мы возвращались обезоруженными и подъ сильнымъ конвоемъ, а проѣзжая изъ Ташкента въ Бухару при насъ постоянно находился или Ишанъ-Ходжа, или кто-либо изъ его прислуги, которая внимательно слѣдила за всѣми нашими дѣйствіями. Никакія сношенія съ народомъ намъ не дозволялись. Во время дороги никто изъ постороннихъ не ѣхалъ съ нами, а если кто и приближался, то его провожали далѣе; когда же мы пріѣзжали на станцію, то она была пуста и всѣхъ любопытныхъ немедленно удаляли, подъ предлогомъ, чтобы они насъ не беспокоили. Бухарцы употребляли всѣ средства, чтобы ничего не доходило до насъ. Съ своей стороны и мы были чрезвычайно осторожны въ своихъ дѣйствіяхъ, чтобы бесполезно не возбуждать подозрѣній бухарцевъ: всѣ разговоры съ ними приходилось вести съ крайнею осмотрительностію; только кое-какія свѣдѣнія можно было получать отъ Ишанъ-Ходжи, который, стоя въ умственномъ отношеніи выше своихъ соотечественниковъ, самъ, съ удовольствіемъ, безъ всякихъ побудительныхъ причинъ, сообщалъ намъ о богатствѣ и могуществѣ своего отечества. До Самарканда онъ былъ такъ откровененъ, что нашъ дипломатическій чиновникъ считалъ возможнымъ при немъ записать нѣкоторыя свѣдѣнія на бумагѣ; но потомъ, когда приближенные Ишана начали не одобрять его откровенность, то и онъ сталъ, по возможности, избѣгать разговоровъ съ нами. Это сдѣлалось особенно замѣтнымъ по мѣрѣ приближенія къ Бухарѣ, средоточію мусульманскаго фанатизма, невѣроятнаго ханжества и нелѣпаго суевѣрія.

А. Глуховскій.

(Продолженіе будетъ).

ПЯТНИЦА

№ 98

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА.

за годъ 14 р., за полгода 8 р., за
мѣсяцъ 1 р. 50 к. Безъ доставки
подписка не принимается. Служа-
щіе гг. офицеры и гражданскіе чи-
новники могутъ выписывать чрезъ
своихъ назначенъ, съ разсрочкою.

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ редакціи, въ зданіи Главнаго Штаба,
подъѣздъ съ Адмиралтейской площади; въ книжныхъ магазинахъ: главнаго комиссіонера *Русскаго Инвалида*, Я. А. Исакова, въ Гости-
номъ дворѣ, по Сукон. лин., № 24; А. Θ. Базунова, на Невск. пр., въ д. Ольхиной; А. И. Давыдова, на Невскомъ, противъ
Аничкова дворца, домъ Бегрова; въ Военной Типографіи, въ зданіи Главнаго Штаба; въ конторахъ редакцій: *Сынъ Отечества*—
на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Петропавловской церкви, и *С.-Петербургскихъ Полмисейскихъ Вѣдомостей*—на Адмиралтейской

ГОДЪ

площади, между Гороховою улицею и Вознесенскимъ проспектомъ, домъ Гамбса, № 8. Въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ Я. Г. Седовскаго
(бывш. Базунова), на Страстномъ бульварѣ; въ почтамтѣ: с.-петербургскомъ и московскомъ, и въ тѣхъ почтовыхъ конторахъ,
гдѣ подписка на газеты принимается.

КАЗЕННЫЯ И ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ, для напечатанія въ *Русскомъ Инвалидѣ*, принимаются во всякъ тѣхъ мѣстахъ,
гдѣ принимается подписка на газету, за исключеніемъ почтовыхъ конторъ.

55-1.

12 АПРѢЛЯ
24

1868

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

взимается за 1 разъ, петитомъ—8 к.
за строку. Печатающіе объявленія
3 раза пользуются уступкою. Рекла-
мы 20 к. за строку. За употребленіе
рамокъ прибавляется $\frac{1}{4}$ цѣны всего
объявленія. За разсылку при газетѣ
особыхъ объявленій—по 4 рубля
съ тысячи.

ПЛѢНЪ ВЪ БУХАРѢ (*).

Прибытіе къ Бухарѣ.—Затрудненія.—Въѣздъ въ столицу эмира и первыя впечатлѣнія. — Помѣщеніе.—Тюрьма.—Переговоры о представленіи эмиру.—Церемоніаль представленія.—Затаенные планы эмира.—Непріязненность его къ намъ.—Лѣшенія и болѣзни съ наступленіемъ холодовъ.—Рѣчь о подаркахъ.—Отъѣздъ эмира изъ Бухары.—По-

(*) См. № 97-я Русская Интеллигенція.

сланные отъ генерала Черилева. — Нѣкоторое улучшеніе въ нашемъ положеніи. — Неожиданное приказаніе эмира о немедленномъ отправленіи насъ въ Самаркандъ. — Сборы. — Недоразумѣніе и схватка.

1-го ноября, мы прибыли на ночлегъ въ с. Ташъ-Кунру, въ 9-ти верстахъ отъ Бухары. Ишанъ-Ходжа велъ съ эмиромъ самые дѣятельные переговоры. На другой день, 2-го ноября, утромъ, мы отправились въ г. Бухару среди садовъ. Дойдя до городскихъ стѣнъ, насъ остановили и предложили переодѣться въ полную парадную форму для торжественнаго вступленія въ священную столицу магометанства Средней Азіи. Здѣсь для бухарцевъ, придающихъ громадное значеніе внѣшнимъ обрядамъ, возникъ вопросъ первостепенной важности: на чемъ мнѣ ѣхать? Верховъ ли на лошади, или въ шарабанѣ, въ которомъ я ѣхалъ до Самарканда, гдѣ, по случаю болѣзни, меня положили на арбу. Этотъ шарабанъ во время дороги обращалъ на себя особенное вниманіе бухарцевъ, страшно предубѣжденныхъ противъ всѣхъ экипажей и неимѣющихъ понятія о нихъ. Ишанъ-Ходжа требовалъ, чтобы я ѣхалъ верхомъ, а я не соглашался, вслѣдствіе болѣзненнаго моего состоянія. Послали за разрѣшеніемъ къ эмиру, который и согласился на мой въездъ въ Бухару въ шарабанѣ. Когда всѣ недоразумѣнія были устранены, мы двинулись и вступили въ городъ. Всѣ улицы были загромождены многочисленными толпами народа, который такъ преграждалъ намъ путь, что полицейскимъ приходилось усиленно работать плетью, чтобы дать намъ дорогу. Особенно многолюдное стеченіе народа было на базарахъ. Одинъ изъ нихъ имѣлъ красивыя сводчатыя кирпичныя арки при входѣ. Нарѣдка по сторонамъ еще видѣлись старинныя кирпичныя мечети, изъ которыхъ многія представляли уже развалины. Всѣ же прочія зданія въ городѣ — глиняныя и во многихъ мѣстахъ они были двухъ-этажныя. Садовъ въ Бухарѣ мало; улицы отличались особенною своею узкостію. Замѣтно было, что городъ населенъ весьма густо. Говорятъ, что въ немъ около 70,000 жителей. Проезжая долгое время по узкимъ и извилистымъ улицамъ, мы, наконецъ, остановились въ одномъ переулкѣ шириною почти въ одну арбу; здѣсь находился посольскій домъ. Открылись ворота и мы вошли на обширный четырехугольный дворъ (это первый дворъ), три фаса котораго были заняты различными помѣщеніями, а четвертый соединялся съ другимъ большимъ дворомъ, обнесеннымъ съ трехъ сторонъ высокою глиняною стѣною (это второй дворъ). Этотъ дворъ на четвертой сторонѣ отдѣлялся глиняною стѣнкою отъ небольшого двора, окруженнаго съ трехъ сторонъ смежными зданіями (это третій дворъ). Между этими тремя дворами находился четырехугольный домъ съ небольшимъ внутреннимъ дворикомъ по срединѣ, три фаса котораго выходили на первый, второй и третій дворы, а четвертый фасъ былъ глухой и примыкалъ къ помѣщеніямъ, гдѣ жило семейство бухарскаго чиновника. Вотъ этотъ четырехугольный домъ и назначался для нашего помѣщенія. Три его фаса были отведены для насъ, а фасъ, выходившій на первый дворъ и на нашъ внутренний дворикъ, назначался для прислуги бухарскаго чиновника, которая должна была наблюдать за всѣми нашими дѣйствіями. По пріѣздѣ, всѣ наши люди были распределены по комнатамъ; мы же вошли въ большую комнату, приготовленную собственно для насъ, гдѣ бухарская прислуга, положивъ пеструю скатерть на полъ, устланный ковромъ, подавала намъ угощеніе, которое обиліемъ своимъ превосходило угощенія другихъ городовъ. Во всю длину комнаты стояли большіе мѣдные подносы съ лепешками, фруктами, арбузами, дынями, миндалемъ, фисташками, леденцами, уркомъ, изюмомъ, разными сластями, чаемъ, сахаромъ и проч. Въ заключеніе, подавали неизбѣжный пловъ и шурпу. Вскорѣ явился и бухарскій чиновникъ, Шакауль, въ вѣдѣніе котораго мы должны были поступить. Ишанъ-Ходжа представилъ его намъ и самъ отправился къ эмиру. Черезъ нѣсколько времени Ишанъ возвратился и объявилъ, что онъ былъ принятъ милостиво, и что все идетъ весьма хорошо. Между тѣмъ, содержаніе намъ начали отпущать натурою и кушанья для насъ готовилъ нашъ поваръ. Собственно намъ приносили отъ 2-хъ до 4-хъ куръ, яйца, молоко, масло, фрукты, мясо, сальные свѣчи и хлѣбъ, изрѣдка чай и сахаръ. Киргизамъ и казакамъ давали баранину, рисъ и хлѣбъ, сальные свѣчи и изрѣдка, въ небольшомъ количествѣ, чай съ киммишемъ. Хотя этой провизіи и было достаточно для насъ, въ фуражъ для лошадей былъ назначенъ въ весьма маломъ размѣрѣ: гарнецъ ячменя, одинъ снопокъ клевера и нѣсколько соломы. Мы просили Шакаула или прибавить фуража, сколько слѣдуетъ, или разрѣшить намъ покупать на свой счетъ все, что для насъ будетъ необходимо. Когда, на другой день, пришелъ къ намъ Ишанъ-Ходжа, то ему также было сообщено объ этомъ. Онъ обѣщалъ доложить эмиру, но, однако, все отпущалось по-прежнему. Вскорѣ по пріѣздѣ мы замѣтили, что дверь, ведущая изъ внутренняго нашего дворика на первый дворъ, была заперта на замокъ. Мы спросили объ этомъ Ишанъ-Ходжу, который и отвѣтилъ намъ, что это замѣняетъ у нихъ почетный караулъ и что намъ нельзя выходить со двора до тѣхъ поръ, пока мы не представимся эмиру; иными словами, насъ подвергнули тюремному заключенію и засадили въ глиняные сараи (это названіе вполнѣ характеризуетъ ихъ комнаты) съ двумя дворами, также обнесенными глиняными стѣнами. Не только никому изъ офицеровъ, но даже никому изъ нашихъ киргизовъ и казаковъ не дозволялось ни подъ какимъ предлогомъ выходить изъ нашихъ дворовъ на улицу; бухарской же прислугѣ строжайше было запрещено входить съ нами въ какія бы то ни было сношенія и что нибудъ покупать для насъ. Бухарцы говорили, что мы гости у нихъ, и что они сами будутъ доставлять намъ на свой счетъ все, что будетъ необходимо для насъ; а между тѣмъ они начали отказывать намъ во всемъ; не давали того, чего мы требовали и никого изъ постороннихъ, даже нищихъ, не допускали къ намъ; однимъ сло-

вомъ, мы находились въ тюрьмѣ и были подъ самымъ строжайшимъ надзоромъ.

4-го ноября Ишанъ-Ходжа пришелъ къ намъ и объявилъ, что эмиръ желаетъ принять насъ. Съ нашимъ дипломатическимъ чиновникомъ немедленно начались переговоры о порядкѣ приѣма. Во время ихъ было рѣшено, чтобы я и чиновникъ, только вдвоемъ, ѣхали верхомъ, а всѣ остальные шли бы пѣшкомъ по городу до самаго дворца эмира. Не смотря на мою болѣзнь, я рѣшился отправиться на аудіенцію главы магометанства Средней Азіи. Когда все было готово, то мы двинулись въ слѣдующемъ порядкѣ: Ишанъ-Ходжа, дипломатическій чиновникъ и я на лошадяхъ; три офицера пѣшкомъ; за ними слѣдовали казаки, съ подарками на подносахъ, покрытыхъ краснымъ сукномъ, а потомъ всѣ остальные казаки и киргизы. Едва мы прошли одну улицу, какъ привезли отъ эмира разрѣшеніе всѣмъ офицерамъ ѣхать верхомъ. Три лошади были немедленно приведены и мы двинулись впередъ по улицамъ, наполненнымъ народомъ. Дойдя до обширной базарной площади мы остановились. На противоположной ея сторонѣ находилась гора, а на ней высокія стѣны, съ воротами посрединѣ и съ часами на фронтонѣ, — это цитадель и вмѣстѣ съ тѣмъ дворецъ эмира и тюрьма правовѣрныхъ. Ишанъ-Ходжа предложилъ намъ оставить лошадей и идти пѣшкомъ. Съ грустью пришлось исполнить это требованіе, и мы, среди густыхъ массъ народа, отправились пѣшкомъ чрезъ всю базарную площадь къ дворцу эмира. Ишанъ-Ходжа, благочестиво сложивъ руки на животъ и склонивъ голову, открывалъ шествіе. При началѣ входа на гору, по обѣимъ ея сторонамъ стояли конные тѣлохранители эмира; а въ воротахъ висѣла огромныхъ размѣровъ плеть — символъ власти повелителя правовѣрныхъ. Поднявшись по ступенямъ на высоту, и пройдя нѣсколько дворишковъ, съ грязными законченными стѣнами, насъ остановили на небольшой открытой площадкѣ. Здѣсь находилось много самыхъ важныхъ бухарскихъ чиновниковъ, которые всѣ были въ бѣлыхъ чаамахъ и въ кашемировыхъ или парчевыхъ халатахъ (въ родѣ нашихъ ризъ), опоясанныхъ дорогими кашемировыми шальями. Въ рукахъ многихъ были серебряные топоры и другіе символы ихъ должностей. Чиновники или важно стояли, или величаво расхаживали, но никто изъ нихъ не подходилъ къ намъ и не разговаривалъ съ нами, кромѣ Шакаула и Ишанъ-Ходжи. По временамъ изъ боковой двери выглядывала гаремная прислуга, скороходы эмира и разодѣтые мальчишки. Спустя нѣсколько минутъ къ намъ приблизился Шакаулъ и спросилъ письмо генераль-маіора Черныяева къ эмиру. Нашъ дипломатическій чиновникъ передалъ ему это письмо и онъ понесъ его на блюдѣ къ эмиру. Потомъ пришли за подарками. Они также были отданы нѣсколькимъ чиновникамъ. Когда письмо и подарки были взяты, тогда пригласили насъ въ сосѣднюю проходную комнату (въ родѣ корридора), выходящую на чистый, мощеный дворъ, расположенный передъ домомъ эмира. По обѣимъ сторонамъ этого корридора находились скамейки, на которыхъ и сидѣли чиновники эмира, ожидая его приказаній. Здѣсь мы ждали весьма недолго. Вскорѣ началось представленіе. Шакаулъ, помощникъ его и Ишанъ-Ходжа повели меня и дипломатическаго чиновника по корридору и остановили у выхода изъ него на чистый, мощеный дворъ, куда были обращены окна одноэтажнаго дома повелителя Бухары. У одного изъ оконъ сидѣлъ бокомъ эмиръ въ бѣлой чаамѣ и въ красномъ халатѣ. Это былъ довольно красивый мужчина, около 40 лѣтъ, съ черною бородою. Лишь только мы его увидали, какъ сказанные чиновники прокричали нѣсколько персидскихъ словъ, означающихъ: «прими государь и благослови.» Мы отдали честь, приложивъ руку къ козырьку, а эмиръ провелъ рукою по бородѣ и сказалъ привѣтствіе: «аллахъ акберъ». Болѣе этихъ словъ онъ ничего не произнесъ, и не только эмиръ, но даже никто изъ его чиновниковъ не входилъ ни въ какіе съ нами разговоры. Послѣ водили представлять остальныхъ трехъ офицеровъ, потомъ казаковъ и джигитовъ. Русскіе держали руку къ козырьку, а мусульмане, при появленіи во дворъ, падали ницъ. По окончаніи этихъ церемоній, Ишанъ-Ходжа сопровождалъ насъ обратно домой.

Ишанъ-Ходжа былъ единственный человѣкъ, который приходилъ къ намъ въ Бухарѣ для переговоровъ. Во время ихъ онъ съ гордостью и важностью заявлялъ намъ о могуществѣ своего повелителя, о его побѣдахъ, о необходимости въ точности исполнять мусульманскіе законы и о готовности эмира, въ случаѣ надобности, сражаться до послѣдней крайности. Ишанъ-Ходжа объявилъ, что эмиръ завоевалъ все Коканское ханство, что коканскій ханъ считается его бекомъ и что эмиръ требуетъ провести границу между Россією и Бухарою, по р. Сыръ-Дарьѣ, съ причисленіемъ къ его владѣніямъ г. Кумышъ-Кургана и г. Намангана, находящихся на правомъ берегу р. Сыръ-Дарьи. Не имѣя права рѣшать подобныхъ вопросовъ, мы предложили Ишанъ-Ходжѣ отправить нарочнаго въ г. Ташкентъ, для полученія необходимыхъ инструкцій. Но на это не было дано никакого отвѣта. Эмиръ хотѣлъ воевать съ Россією и потому вовсе не нуждался въ разъясненіи всѣхъ недоразумѣній, возникшихъ между двумя сосѣдними странами. Граница по Сыръ-Дарьѣ была только шагомъ еще къ большимъ притязаніямъ. Возгордившись своими побѣдами въ Средней Азіи, эмиръ считалъ себя преемникомъ Тамерлана и мечталъ о покореніи всѣхъ мусульманскихъ земель до Иртыша и Урала. По этому, онъ былъ радъ, что успѣлъ захватить коварнымъ образомъ заложниковъ, въ лицѣ русскихъ офицеровъ. Имѣя въ виду свои честолюбивые и завоевательные замыслы, сопряженные съ большимъ рискомъ, онъ рѣшился задержать насъ для болѣе вѣрнаго достиженія своихъ цѣлей. Ко времени нашего пріѣзда эмиръ собралъ въ Бухару посланниковъ изъ Кундуза, Афганистана, Куляба, Шахри-Сябза и другихъ мѣстъ, чтобы образовать союзъ магометанскихъ странъ для дѣйствій противъ Россіи. Судя по всѣмъ

доходившимъ до насъ извѣстиямъ, можно достоверно сказать, что онъ располагалъ весною идти на Ташкентъ. Большую надежду на успешное приведение въ исполненіе этого плана эмиръ основывалъ на совершенно фальшивыхъ свѣдѣніяхъ, полученныхъ имъ изъ Ташкента. Ташкентскіе купцы, въ своихъ письмахъ къ эмиру, придали русскимъ офицерамъ необыкновенную важность и небывалое значеніе. Неимовѣрное легковѣріе и невѣроятное невѣжество бухарцевъ доходило до того, что они причисляли насъ къ родственникамъ Императорскаго дома. Бухарцы были вполне убѣждены, что они, задержавъ насъ, могутъ получить отъ Россіи большія уступки; нѣкоторые изъ нихъ даже говорили, что за каждаго офицера Россія должна дать по городу. Подобному настроенію бухарцевъ еще содѣйствовало то, что въ Туркестанской области находилось очень мало войскъ и что во вновь покоренномъ Ташкентѣ существовала сильная бухарская партія. Эмиръ хотѣлъ воспользоваться этими благоприятными обстоятельствами, вполне рассчитывая, что если онъ въ началѣ 1866 г. не возьметъ Ташкентъ и не присоединитъ окончательно къ Бухарѣ коканскаго ханства, то, впоследствии, эта цѣль никогда не можетъ быть достигнута. Въ случаѣ же полной неудачи, эмиръ былъ увѣренъ, что онъ, имѣя въ своихъ рукахъ русскихъ офицеровъ, можетъ, во всякомъ случаѣ, заключить весьма выгодный миръ.

Послѣ нашихъ переговоровъ съ Ишанъ-Ходжею ни одинъ изъ чиновниковъ эмира не приходилъ болѣе къ намъ въ Бухарѣ, для объясненій по дѣламъ. Прошелъ уже 12-ти-дневный срокъ нашего пребыванія въ Бухарѣ, данный клятвенно Ишанъ-Ходжею генераль-маіору Черняеву, а насъ не отпускали и только все время обнадеживали скорымъ отъѣздомъ. Мы словесно и письменно напоминали объ этомъ и Шакаулу, и Ишанъ-Ходжѣ, но не получали никакого отвѣта. Мало того, эмиръ, задержавъ насъ, началъ поступать съ нами самымъ непріязненнымъ образомъ. По мѣрѣ приближенія зимы, наше положеніе дѣлалось болѣе и болѣе неопредѣленнымъ и тягостнымъ; въ сакляхъ, служившихъ нашимъ помѣщеніемъ, сдѣлалось очень сыро и холодно. Комнаты были съ земляными полами, безъ оконъ, безъ печей и ихъ подвальная атмосфера нѣсколько нагрѣвалась только жаровнями съ саксауловыми углями, которые всегда производили сильный угаръ; казаки и джигиты терпѣли кромѣ того крайній недостатокъ въ тепломъ платьѣ и всѣ сильно страдали отъ холода. Бухарцы, хотя и отпускали провизію въ достаточномъ количествѣ, но она всегда была однообразна и часто дѣлалась злоупотребленія; волю для питья приносили весьма дурную со вшами, а люди были лишены почти всякихъ движеній. Намъ дозволено было пользоваться только двумя дворами (вторымъ и третьимъ), наполненными разными нечистотами, а на первый дворъ, болѣе чистый, никто не допускался; тамъ находилась прислуга Шакаула, которая неусыпно и бдительно слѣдила за малѣйшими нашими движеніями и за тѣмъ, чтобы до насъ не доходило никакихъ извѣстій и чтобы мы не имѣли никакихъ сношеній ни съ кѣмъ. Фуражъ для лошадей отпускался въ весьма ограниченномъ количествѣ, поэтому вскорѣ онѣ начали очень худѣть и на нѣкоторыхъ изъ нихъ появились парши. Бухарцы недозволяли даже водить лошадей на водопой въ протекающій вблизи арыкъ, а заставляли довольствоваться водою изъ находившагося на нашемъ дворѣ зловоннаго и грязнаго пруда, который, по мѣрѣ приближенія къ веснѣ, началъ издавать страшный смрадъ, происходившій отъ гніенія нечистотъ.

Тюремное наше заключеніе подѣйствовало самымъ неблагоприятнымъ образомъ на состояніе здоровья людей, между которыми открылись разныя болѣзни и вскорѣ появился даже тифъ. Больные, лишенные всякаго медицинскаго пособія и всѣхъ средствъ, могущихъ облегчить ихъ положеніе, чрезвычайно страдали. Кромѣ мучительныхъ припадковъ, больные дрожали еще отъ холода, не имѣя теплаго платья, чтобы хорошо укрыться. Морозъ же иногда былъ до такой степени чувствителенъ, что одинъ казакъ, во время болѣзни, отморозилъ себѣ ноги. Въ это трудное время полковникъ Татаринцовъ вынужденъ былъ сдѣлаться докторомъ и лечить больныхъ гомеопатіею, которая въ Бухарѣ приносила намъ огромную пользу. Гомеопатія спасла жизнь нѣсколькимъ человѣкамъ и производила особенно сильное дѣйствіе и быстрыя реакціи въ тифозныхъ больныхъ.

Бухарскія власти очень хорошо знали положеніе, въ которомъ мы находились, но они еще болѣе ухудшали его. Видя, что безпрестанныя заявленія Шакаулу о бѣдственномъ положеніи нашихъ больныхъ не дѣйствуютъ, мы письменно изложили ему наши требованія для доклада эмиру; но и это осталось безъ всякихъ послѣдствій. На всѣ наши доводы, что мы всѣ можемъ перемереть, всегда получали отвѣтъ: на то воля Божія. Одинъ только разъ, около половины декабря, приходили чиновники отъ Зякетчи для переписки больныхъ, но это также ни къ чему не повело. Эмиръ совершенно равнодушно смотрѣлъ на наши страданія и положительно не давалъ никакого отвѣта на всѣ неоднократныя требованія: послать нарочныхъ въ Ташкентъ съ письмами, поставить на нашъ счетъ печи въ комнатахъ, купить на нашъ счетъ теплое платье для людей, отправить больныхъ въ Ташкентъ или выписать для нихъ доктора и медикаменты, или хотя прислать мѣстныхъ докторовъ. Наконецъ, когда мы понадобились пиявки и банки, то и этого даже не разрѣшали купить подъ страхомъ смертной казни. Прислугѣ было строжайше запрещено покупать для насъ что-либо и она только тайкомъ приносила разныя вещи, въ которыхъ мы терпѣли крайнюю нужду.

Около 20-го декабря, Шакаулъ объявилъ, что эмиръ желаетъ отпустить насъ и просилъ доставить списокъ всѣмъ присланнымъ въ Бухару лицамъ, для заготовленія имъ подарковъ. Любезность Шакаула доходила до того, что онъ предложилъ намъ самимъ назначить какіе мы

желаемъ подарки: лошадей ли съ полной сбруей, или халаты различныхъ цвѣтовъ и различной матеріи, на мѣху или безъ него. Списки мы заготовили, но отъ выбора подарковъ отказались. Мы предоставили сдѣлать это самому эмиру, на томъ основаніи, что мы гости и будемъ довольны тѣмъ, что намъ предложутъ. Однако, намъ не только не дали никакихъ подарковъ, но даже и не отпустили въ Ташкентъ.

Около этого времени эмиръ отправлялся на поклоненіе могилъ святаго Богоуеддина, что онъ всегда дѣлаетъ передъ рѣшеніемъ какого-нибудь важнаго дѣла или передъ походомъ. Дѣйствительно, въ это время рѣшалась наша участь. Генераль Черняевъ, не получая отъ насъ никакихъ извѣстій и слыша со всѣхъ сторонъ, что насъ казнили, послалъ двухъ джигитовъ съ письмами и подарками къ джюзакскому беку, Якуб-беку, и къ эмиру. Генераль Черняевъ требовалъ отъ Якуб-бека, чтобы онъ пропустилъ джигитовъ, а эмиру писалъ, что онъ удивляется нашему задержанію, неимѣнію никакихъ объ насъ свѣдѣній и требовалъ немедленно отправить насъ въ Ташкентъ. Отвѣтъ на это эмиръ передалъ киргизу Кара-Кузъ, который пріѣзжалъ къ нему съ письмами генерала Черняева. Отправляя 20-го декабря Кара-Кузу обратно въ Ташкентъ, эмиръ прислалъ его къ намъ, чтобы онъ видѣлъ насъ своими глазами. Кромѣ одного нашего джигита, никто не зналъ Кара-Кузу и поэтому всѣ смотрѣли на него недоувѣрчиво. Разговоры съ нимъ были непродолжительны. Хотѣли было писать, но этого сдѣлать не позволили. Мы только успѣли передать Кара-Кузъ, что у насъ много больныхъ и что мы крайне нуждаемся въ медицинской помощи, чаѣ, сахаръ и табакъ. Когда Кара-Куза ушелъ, то вскорѣ къ намъ привели другаго джигита Гасейна, пріѣхавшаго также съ нимъ съ письмомъ къ эмиру изъ Ташкента. Эмиръ задержалъ Гасейна за дерзкіе отвѣты и смѣлыя возраженія на различные его вопросы по случаю нашего задержанія. Между тѣмъ, въ этотъ же день, 20-го декабря, эмиръ отправился въ Карши, но съ дороги повернулъ вмѣстѣ съ Шакауломъ на Самаркандъ. Вся прислуга была смѣнена новою и мы были переданы на попеченіе Зякетчи, который оставшись начальникомъ города, рано утромъ прислалъ отъ себя для пріема насъ чиновника, который сдѣлалъ всѣмъ перекличку, ходя изъ одной комнаты въ другую для удостовѣренія, всѣ ли находятся на лицѣ? При Зякетчи продовольствіе начали отпускать и правильнѣе, и въ большемъ количествѣ; вновь приставленные лица стали покупать для насъ, хотя и съ большими предосторожностями, разныя необходимыя вещи, причемъ всѣ наши люди были снабжены обувью и теплымъ платьемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, насъ начали содержать гораздо строже; надзоръ былъ усиленъ; никто изъ постороннихъ не допускался и до насъ ничего не доходило. Между тѣмъ, люди начали умирать: 4-го января, умеръ, сибирскаго казачьяго войска, казакъ Семенъ Русинъ, а 23-го января—киргизъ рода Батнай Джусупъ Масареповъ. Съ донесеніемъ объ этомъ и за разрѣшеніемъ похоронъ, каждый разъ посылали гонцовъ къ эмиру. Киргиза похоронили въ Бухарѣ въ присутствіи двухъ нашихъ киргизовъ, а казака эмиръ разрѣшилъ отправить въ Чиназъ. Этимъ случаемъ мы воспользовались, чтобы написать донесеніе генералу Черняеву и вложить въ гробъ записку на французскомъ языкѣ о нашемъ положеніи. Но какъ донесеніе, такъ и записка не дошли по назначенію и попали въ руки эмира. Вскорѣ и приставленные къ намъ лица были смѣнены за сдѣланныя намъ покупки. Съ Зякетчи все время происходила переписка, какъ объ этихъ похоронахъ, такъ и объ отправленіи въ Ташкентъ меня и прочихъ больныхъ; въ случаѣ же несогласія на это эмира, мы просили хотя послать нарочныхъ въ Ташкентъ съ письмами къ генераль-маіору Черняеву, о присылкѣ доктора и медикаментовъ. Но эта переписка опять таки ни къ чему не повела. Хотя послѣ намъ и дозволили писать въ Ташкентъ, но письма и донесенія никогда не доходили до мѣста назначенія; самое разрѣшеніе писать намъ было дано съ цѣлью поймать насъ въ чемъ нибудь.

Заключенные въ глиняныхъ стѣнахъ и отрѣзанные отъ всего міра, мы не могли имѣть никакихъ свѣдѣній о событіяхъ, совершавшихся въ Бухарѣ и Ташкентѣ. Среди совершенной неизвѣстности о происходившемъ внѣ нашихъ стѣнъ, вдругъ 7-го февраля, въ понедѣльникъ, около 4-хъ часовъ, пріѣзжалъ къ намъ Джура-Баши, начальникъ почтарей, который состоялъ также при насъ. Онъ сообщилъ намъ, что изъ Самарканда прибылъ гонецъ съ приказаніемъ эмира доставить насъ къ нему съ тѣмъ, чтобы отправить въ Ташкентъ. Вскорѣ пришли отъ Зякетчи и чиновники, которые подтвердили это извѣстіе, попросивъ насъ собираться въ дорогу безотлагательно. Эмиръ писалъ, чтобы мы въ пятницу были бы уже въ Самаркандъ, т. е. чрезъ три дня. Немедленно мы начали укладываться. Но такъ какъ уже смеркалось и вещи лежали въ разныхъ мѣстахъ, то мы просили отложить нашу поѣздку до слѣдующаго утра, чтобы можно было совѣмъ собраться. Послали за разрѣшеніемъ къ Зякетчи. Между тѣмъ, на наши дворы, гдѣ прежде никто не показывался, нахлынула цѣлая толпа любопытнаго народа. Вскорѣ было получено отвѣтъ отъ Зякетчи, который сообщилъ, чтобы мы отправлялись немедленно, а вещи уложить безъ насъ и ихъ вышлютъ вслѣдъ за нами. Такое предложеніе Зякетчи невозможно было исполнить; оставить вещи въ рукахъ бухарцевъ было неблагоприятно. Поэтому, мы опять послали просить разрѣшенія у Зякетчи, чтобы отложить нашъ выѣздъ хотя до разсвѣта. Между тѣмъ народъ продолжалъ валить на наши дворы. Уже сильно смеркалось, когда бухарцы начали образовывать кучки и обращеніе ихъ съ нами сдѣлалось весьма подозрительнымъ; многіе изъ нихъ зажгли свѣчки, чтобы намъ свѣтить, и изъ нихъ образовались цѣлыя шеренги, отъ одной комнаты до другой. Не замедлилъ прибыть и вторичный отвѣтъ Зякетчи, что если мы не

подъемъ немедленно, то насъ насильно отпра-
влять. Этотъ неблагоприятный отвѣтъ, внезапный
наплывъ бухарцевъ на наши дворы, гдѣ прежде
никто изъ нихъ не показывался, желаніе одного
чиновника взять тайкомъ шашку, обращеніе и
пріемы бухарцевъ, а также подозрительные ихъ
разговоры между собою и образованіе кучекъ яс-
но показывали, что бухарцы замышляютъ что-
то недоброе противъ насъ. Предстояло избрать
одно изъ двухъ: или отвѣчать отказомъ и всту-
пить съ ними въ бой, или немедленно отправ-
ляться. Последнее рѣшеніе было принято на томъ
основаніи, что первая мѣра вела бы къ безо-
мѣнному истребленію всѣхъ насъ безъ всякой
пользы и при томъ тогда, когда не было еще
положительно извѣстно о намѣреніи бухарцевъ
перерѣзать насъ и когда все-таки можно было
надѣяться на отправленіе въ Самаркандъ. По
этому, всѣмъ приказано было немедленно соби-
раться, укладывать вещи, сѣдлать лошадей и
какъ можно скорѣе быть готовыми. Впредь до
разъясненія обстоятельствъ, у входа въ комнату,
гдѣ помѣщались казаки, былъ поставленъ часо-
вой, а казакамъ велѣно было одѣваться въ по-
ходную форму и быть готовыми на всякій слу-
чай, но не стрѣлять безъ приказанія. Спустя нѣ-
сколько времени, отъ Зякетчи пришелъ чинов-
никъ и предложилъ сложить оружіе на арбы. На
это ему было сказано, что по нашимъ зако-
намъ военные не имѣютъ права отдавать
оружіе и что мы, какъ съ оружіемъ вошли
въ Бухару, такъ и должны изъ него выхаты
съ оружіемъ. — Чиновникъ, повидимому, удо-
вольствовался этимъ отвѣтомъ и отправился къ
Зякетчи, а казакамъ и джигитамъ опять прика-
зано было торопиться сборами. Въ самое корот-
кое время, когда происходили эти непродолжи-
тельные переговоры, вещи были уложены, ло-
шади осѣдланы, все почти было готово и боль-
шая часть казаковъ и джигитовъ были уже въ
сборѣ. Между тѣмъ, чиновникъ, по полученіи
отъ Зякетчи приказаній, не дойдя еще до насъ
и не сказавъ намъ ничего положительнаго о
волѣ эмира взять у насъ оружіе, приказалъ тол-
пѣ броситься и обезоружить казаковъ и джиги-
товъ. Едва этотъ чиновникъ появился въ дверяхъ
нашей комнаты, какъ на внутреннемъ дворѣ
произошла суматоха и схватка съ бухарцами,
которые начали отнимать оружіе. Тогда было
приказано отдать ружья, что и было испол-
нено. Но казакъ уральскаго казачьяго войска
Спиридонъ Калашниковъ, не слыша этого при-
казанія, былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ
сплошною толпою бухарцевъ, которые начали
отнимать у него ружье. Казакъ Калашниковъ,
не потерявъ присутствія духа и не обращая вни-
манія ни на безвыходное свое положеніе, ни на
невозможность одолѣть массу враговъ, отбивался
до послѣдней крайности и показалъ чудеса храб-
рости, рѣдкой неустрашимости и необыкновен-
наго самоотверженія. Во время этой отчаянной
борьбы произошелъ нечаянный выстрѣлъ, одинъ
изъ почетныхъ бухарцевъ былъ убитъ на повалъ, а
другой смертельно раненъ. Толпа, послѣ вы-
стрѣла, сейчасъ отхлынула назадъ, потомъ сно-
ва бросилась на Калашникова, повалила его,
разрубила ему уже руку до кости, но онъ все
еще продолжалъ отбиваться, пока его не выру-
чилъ сотникъ Герасимовъ съ чиновникомъ Зя-
кетчи.

Раздавшійся выстрѣлъ произвелъ сильное впе-
чатленіе на бухарцевъ: на улицахъ стали
бить въ барабаны, народъ бросился изъ сво-
ихъ домовъ съ чѣмъ попало и совершенно
запрудилъ какъ всѣ окружающія улицы, такъ
и наши дворы; сарбазы съ ружьями начали вы-
ходить изъ близъ лежащихъ сакель, гдѣ они до
тѣхъ поръ находились скрытыми. Толпа броси-
лась на нашихъ казаковъ и джигитовъ, обыски-
вала ихъ, сильно избивала нѣкоторыхъ, другихъ
ранила, а полковника Татаринова внезапно схва-
тила, обезоружила и нанесла ему нѣсколько уда-
ровъ. Но сотникъ Герасимовъ, зная мѣстные
языки и имѣя возможность объясняться съ на-
родомъ, сильно сдѣйствовалъ благополучной
развязкѣ этого событія. Держа въ своихъ ру-
кахъ чиновника Зякетчи, онъ въ самую труд-
ную и рѣшительную минуту бросался въ раз-
ныя стороны, останавливалъ народъ и спасалъ
кого могъ. Чиновникъ Зякетчи еще при самомъ
началѣ схватки клялся, что съ нами ничего не
хотятъ дурнаго сдѣлать. И дѣйствительно, когда,
по отдачѣ оружія, всѣ собрались въ комнату и
сарбазы съ народомъ хотѣли ворваться туда,
чтобы перестрѣлять насъ, то онъ, стоя въ две-
ряхъ, успѣлъ остановить ихъ. Вскорѣ однако
все успокоилось: власти разогнали народъ, а
насъ разсадили по арбамъ. Во время схватки было
много потеряно вещей, ранено двое, почти всѣ
избиты, но убитыхъ не было. Потеря же бу-
харцевъ состояла изъ двухъ убитыхъ и нѣсколь-
кихъ избитыхъ.

Схватка съ бухарцами произошла единственно
только отъ недоразумѣній и неоткровенности бу-
харскихъ властей. Зякетчи думалъ, что если
онъ прямо потребуетъ сдачи оружія, то мы бу-
демъ драться, поэтому-то, онъ рѣшился коварною
хитростію взять оружіе чрезъ посредство наро-
да, чтобы потомъ, въ случаѣ несчастія, свалить
всю вину на разъяренную чернь и тѣмъ оправ-
даться передъ нашимъ правительствомъ. Мы же,
съ своей стороны, при неразъяснившихся еще
обстоятельствахъ, не могли немедленно согласи-
ться на слегка сдѣланное бухарцами предложеніе,
касавшееся чести русскаго оружія, безъ вся-
каго объясненія причинъ и безъ объявленія по-
ложительной на то воли эмира. Бухарцы счи-
тали себя на столько виновными, что эмиръ да-
же не потребовалъ отъ насъ никакихъ объясне-
ній по поводу описаннаго событія.

А. Глуховскій.

(Продолженіе будетъ).

СУББОТА

№ 99

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА.

за годъ 14 р., за полгода 8 р., за
мѣсяцъ 1 р. 50 к. Безъ доставки
подписка не принимается. Служа-
щіе гг. офицеры и гражданскіе чи-
новники могутъ выписывать чрезъ
своихъ казначеевъ, съ рассрочкою.

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ редакціи, въ зданіи Главнаго Штаба,
подъѣздъ съ Адмиралтейской площади; въ книжныхъ магазинахъ: главнаго комиссіонера *Русскаго Инвалида*, Я. А. Исакова, въ Гости-
номъ дворѣ, по Сукон. лин., № 24; А. Θ. Базунова, на Невск. пр., въ д. Ольжиной; А. И. Давыдова, на Невскомъ, противъ
Аничкова дворца, домъ Бегрова; въ Военной Типографіи, въ зданіи Главнаго Штаба; въ конторахъ редакцій: *Сынъ Отечества*—
на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Петропавловской церкви, и *С.-Петербургскихъ Полуднейскихъ Вѣдомостей*—на Адмиралтейской

ГОДЪ.

площади, между Гороховою улицею и Вознесенскимъ проспектомъ, домъ Гамбса, № 8. Въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ Я. Г. Селосеева
(бывш. Базунова), на Страстномъ бульварѣ; въ почтамтахъ: с.-петербургскомъ и московскомъ, и въ тѣхъ почтовыхъ конторахъ,
гдѣ подписка на газеты принимается.

КАЗЕННЫЯ И ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ, для напечатанія въ *Русскомъ Инвалидѣ*, принимаются во всякъ тѣхъ мѣстахъ,
гдѣ принимается подписка на газету, за исключеніемъ почтовыхъ конторъ.

55-1.

13 АПРѢЛЯ
25

1868

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

взимается за 1 разъ, петитомъ—8 к.
за строку. Печатающіе объявленія
3 раза пользуются уступкою. Рекла-
мы 20 к. за строку. За употребленіе
рамки прибавляется $\frac{1}{4}$ цѣны всего
объявленія. За размѣну при газетѣ
особыхъ объявленій—по 4 рубля
съ тысячи.

ПЛѢНЪ ВЪ БУХАРѢ (*).

Отъѣздъ въ Самаркандъ. — Неопредѣленность положенія. — Сборъ бухарскихъ войскъ въ Самаркандъ. — Прибытіе наше въ Самаркандъ. — Тюремное заключеніе въ цитадели. — Мы выдерживаемъ самый строгій карантинъ. — Телескопъ и таинственный казакъ безъ пальцевъ. — Угрозы. — Отъѣздъ эмира въ дѣйствующую армію. — Разнорѣчивые слухи о ходѣ войны и персіянинъ Ибрагимъ. — Извѣстіе о пораженіи бухарской арміи. — Возвращеніе эмира. — Партія войны попадаетъ въ опалу. — Каратаевъ и его переговоры съ нами. — Раздача подарковъ нашему посольству и прощальная аудіенція у эмира. — Насъ отправляютъ на родину.

Послѣ схватки съ бухарцами, нашихъ лошадей роздали конвойнымъ, а насъ разсадили по арбамъ и отправили подъ сильнымъ конвоемъ въ г. Самаркандъ. При выѣздѣ изъ г. Бухары, около цитадели, всѣхъ раздѣлили на двѣ части: три старшихъ офицера и три человека прислуги ѣхали отдѣльно впереди, а остальные офицеры, казаки и джигиты и нашъ обозъ слѣдовали за ними. Дорога была скверная; отъ большой ѣзды и таянія снѣга она превратилась въ страшную грязь. Была ночь. Мы двигались весьма медленно. — Едва проѣхали двѣ или три версты отъ города, какъ къ намъ прискакалъ гонецъ изъ г. Бухары и вернулъ насъ назадъ. Мы опять подѣхали къ городскимъ воротамъ. Одинъ изъ бухарскихъ чиновниковъ (Зякетчи, какъ говорили) приблизился къ намъ и просилъ показать ему наши руки. Увидѣвши, что онѣ невредимы, чиновникъ спросилъ: гдѣ находится человекъ безъ пальцевъ? Дѣло шло объ одномъ уральскомъ казакѣ, который находился ординарцемъ у генерала Черняева и былъ безъ пальцевъ. Изъ Ташкента, вѣроятно, написали, что подъ именемъ казака безъ пальцевъ скрывается чрезвычайно важная особа и одно изъ самыхъ приближенныхъ лицъ къ генералу. Вотъ почему бухарцы и обратили особенное вниманіе на этого казака. Убѣдившись, по осмотру нашихъ рукъ, что его нѣтъ, бухарцы отправили насъ обратно по самаркандской дорогѣ. Ночью около трехъ часовъ мы остановились въ одной деревнѣ, гдѣ для нашего помѣщенія отвели невычищенную конюшню и предложили намъ скверный зеленый чай, котораго мы не могли пить. Здѣсь же, по просьбѣ нашей, конвойные сѣздили къ нашимъ арбамъ и привезли нѣкоторые необходимыя для дороги вещи, которыхъ при суматохѣ въ Бухарѣ мы не могли взять съ собою и остались какъ были въ комнатахъ. Рано утромъ мы отправились далѣе и слѣдовали до с. Маликъ, гдѣ сдѣланъ былъ привалъ. Еще до нашего сюда пріѣзда прибыли прямою дорогою изъ Бухары по голой степи въ Маликъ остальные наши офицеры и всѣ люди съ нашими вещами. Наши конвойные дозволили намъ взять еще нѣсколько вещей и видѣться съ офицерами. Свиданіе было весьма непродолжительно и послѣ него до самаго Самарканда мы уже не встрѣчались съ ними. Отъ товарищей своихъ мы узнали, что генералъ Черняевъ былъ подъ Джюзакомъ и требовалъ нашего немедленнаго возвращенія. Бухарцы обѣщали насъ отпустить, но завязали дѣло и генералъ Черняевъ, не желая вступать съ ними въ непріязненные дѣйствія, отступилъ къ рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ, вслѣдствіе недостатка продовольствія и фуража. По полученіи свѣдѣній о движеніи нашихъ войскъ къ Джюзаку намъ сдѣлались понятными причины послѣдняго бухарскаго событія. Мы находились въ самомъ опасномъ положеніи, и отъ такого деспота, какъ эмира, можно было ожидать всего дурнаго. Я сожалѣлъ только о томъ, что наши войска не взяли штурмомъ Джюзакъ и не двигались далѣе къ Самарканду. Еще въ Бухарѣ, во время томительнаго нашего заключенія, я ожидалъ, что генералъ Черняевъ, отлично зная характеръ азіатцевъ, долженъ придти къ Джюзаку и взять насъ плѣномъ. Впослѣдствіи правильность этого предполо-

(*) См. № 98-я Русская Библия.

наро- жения вполне оправдалась, но тогда не все его
суд- разделяли. Какъ бы то ни было, въ продолже-
и на- ние всей дороги до Самарканда, мы находились
въ въ самомъ томительномъ положеніи. Впереди
цкихъ насъ ожидала или казнь, или тюрьма, или яма,
годар- или же возвращеніе на родину. Подъ впечатлѣ-
ободу! ніемъ подобныхъ, самыхъ противоположныхъ
и воз- думъ мы ѣхали вплоть до самаго Самарканда.
разъ- По дорогѣ мы встрѣчали воиновъ эмира, ста-
люб- рыхъ и малыхъ, конныхъ и пѣшихъ, съ ружья-
и, никами и дубинами или безъ всякаго ору-
йской- жія. Все двигалось по направленію къ Самар-
леніе- канду, гдѣ собирался огромный лагерь. Наши
ковъ. конвойные ѣхали рядомъ съ нами, обходились
инцъ довольно хорошо и народъ по дорогѣ не дѣлалъ
ъ.— противъ насъ никакихъ враждебныхъ манифе-
ста- стаций, только, по временамъ, изъ толпы по-
ерта. казывали на горло, проводя по нему рукою.
о бы Страшная грязь и дурныя дороги, испорченные
оводу проходомъ артиллеріи, чрезвычайно задерживали
наше движеніе. Мы останавливались на дорогѣ
въ кр. Кермине, Зсяуединъ, Катты-Курганъ,
окой- Каррасу и с. Дауль. По мѣрѣ приближенія къ
идалъ границѣ каждаго округа, беки: Кермине, Катты-
по- Кургана и Самарканда высылали на смѣну свои
гер- конвои. Во время дороги замѣтно было, что на-
пре- родъ и беки были недовольны войной съ Рос-
ѣля. сією изъ-за посольства, при чемъ Бухара была
ней кругомъ виновата. Сынъ катты-курганскаго бека
ав- прямо заявлялъ объ этомъ нашимъ офицерамъ.
ред- Но, однако, многочисленность бухарской арміи
ного обнадеживала и льстила самолюбію бухарцевъ,
и- что они могутъ побить русское войско.

12-го февраля мы ночевали въ с. Дауль, куда самаркандскій бекъ выслалъ свой конвой для сопровожденія насъ. 13-го февраля, рано утромъ, мы отправились изъ с. Дауля и около полудня вступили въ Самаркандъ. На всѣхъ улицахъ было множество народа. Пройдя предмѣстія города, мы повернули въ узкій переулокъ и вышли на большую площадь, наполненную сплошными массами народа; полицейскіе плетями и палками очищали дорогу для нашего проѣзда. Вскорѣ мы остановились у воротъ цитадели, обнесенной высокою глиняною стѣною. Была тяжелая и критическая минута. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали рѣшенія нашей участи и развязки дѣла. Бывши въ когтяхъ свирѣпаго и кровожаднаго тирана, который рѣзалъ своихъ подданныхъ, какъ куръ, никто не могъ поручиться ни за что. Прежде всѣхъ потребовали въ цитадель одного нашего татарина, которому еще въ Бухарѣ намекали, что онъ вѣроотступникъ, потому что носилъ длинные волосы и ходилъ безъ тюбетейки. Блѣдный и дрожащій, онъ пошелъ, думая, что его ведутъ уже на эшафотъ. Къ счастью, однако, это опасеніе не оправдалось. Вскорѣ татаринъ вернулся съ болѣе яснымъ лицомъ и передалъ, что ему показывали наше помѣщеніе. Тогда мы сами отправились въ цитадель. Сперва прошли большой дворъ съ прудомъ по срединѣ, обсаженный высокими деревьями, за которыми находился большой домъ самаркандскаго бека; потомъ миновали еще чистый, мощеный кирпичомъ дворъ, откуда, повернувъ направо, мы вошли на третій дворикъ, длиною въ шесть шаговъ и почти столько же шириною. Кругомъ его были четыре мрачныя глиняныя конуры, изъ которыхъ одна была больше другихъ. Это была тюрьма, въ полномъ смыслѣ этого слова. Двѣ конуры назначались для насъ, офицеровъ, а остальные для вещей и трехъ человѣкъ прислуги. Около насъ вертѣлся тюремщикъ персъ Ибрагимъ, который изъяснялъ намъ свое расположеніе и любовь. Къ намъ привели также нашего казака безъ пальцевъ; всѣхъ же остальныхъ казаковъ и джигитовъ отбѣлили отъ насъ и размѣстили по другимъ тюрьмамъ. По всему было видно, что наши дѣла находились въ весьма плохомъ положеніи и что эта тюрьма могла быть только предвѣстіемъ еще чего нибудь худшаго. Немедленно по пріѣздѣ былъ сдѣланъ осмотръ нашимъ вещамъ для удостовѣренія, не было ли тамъ скрыто оружіе?

Вскорѣ затѣмъ явился для переговоровъ Ишанъ Ходжа, который объявилъ намъ, что подъ стѣнами Джюзака была битва съ русскими; что бухарскія войска прогнали русскій отрядъ и что генераль Черняевъ пострѣлялъ и ушелъ. Хотя мы и не могли довѣрять подобнымъ несообразностямъ, но сами ничего положительнаго вѣрнаго не знали о случившемся. Ишанъ-Ходжа объявилъ, что послѣ событій подъ Джюзакомъ, эмиръ не желаетъ вести переговоры съ генераломъ Черняевымъ и требуетъ, чтобы мы писали прямо Государю Императору. Но когда Ишанъ-Ходжѣ было отказано въ этомъ, то онъ согласился на донесеніе къ оренбургскому генераль-губернатору, что мы задержаны въ Самаркандѣ до полученія по телеграфу officialнаго акта съ приложеніемъ большой государственной печати о томъ, что Государь Императоръ соглашается имѣть р. Сыръ-Дарью границею между Россією и Бухарой и желаетъ сохранить дружбу, бывшую до тѣхъ поръ между двумя государствами. Ишанъ-Ходжѣ мы сообщили, что по телеграфу нельзя посылать бумагъ. Тогда онъ согласился ограничиться удостовѣреніемъ оренбургскаго генераль-губернатора, что военныхъ дѣйствій не будетъ, а грамота вышлется по изготовленіи ея. Ишанъ-Ходжа, въ особенности, настаивалъ на границѣ по р. Сыръ-Дарьѣ и требовалъ объясненій: перейдутъ ли русскіе чрезъ эту рѣку? Онъ также спрашивалъ о свойствахъ телескопа, кому принадлежитъ лупа и не скрывается ли подъ именемъ казака безъ пальцевъ какая нибудь важная особа? Для разъясненія нашего положенія и всѣхъ обстоятельствъ, касающихся до переговоровъ съ бухарцами, мы просили отправить въ Оренбургъ съ письмомъ къ генераль-губернатору кого нибудь изъ нашихъ офицеровъ. Съ большими трудомъ и видимымъ неудовольствіемъ они, наконецъ, согласились на командированіе въ Оренбургъ чрезъ фортъ № 1-й подпоручика Колесникова. Но все-таки, ни онъ, ни донесеніе къ оренбургскому генераль-губернатору, ни письмо къ генералу Черняеву о присылкѣ доктора, медикаментовъ и другихъ необходимыхъ вещей не были отправлены.

Между тѣмъ, мы заявили Ишанъ-Ходжѣ о нашемъ весьма дурномъ помѣщеніи и просили отвѣсти другое, съ тѣмъ, чтобы казаки и киргизы были вмѣстѣ съ нами. Ишанъ доложилъ объ этомъ эмиру и онъ приказалъ въ тотъ же день (т. е. день прибытія въ Самаркандъ) отвести намъ съ казаками три комнаты на второмъ чистомъ, мощеномъ дворѣ, черезъ который мы прежде проходили. Комнаты эти съ одной стороны были глухія, справа примыкали къ гарему самаркандскаго бека, слѣва къ прежнему помѣщенію, а съ фронтона выходили на дворъ и были расположены противъ комнатъ сына самаркандскаго бека, исправлявшаго тогда должность своего отца, назначеннаго главнокомандующимъ бухарскою арміею. Въ прежнихъ нашихъ конурахъ помѣстились общая кухня и всѣ наши мусульмане. Содержаніе намъ начали отпущать натурою и въ томъ же размѣрѣ, какъ это было въ Бухарѣ; только лошадей намъ не возвращали, а роздали ихъ по разнымъ рукамъ. На нихъ, какъ оказалось потомъ, работали, посылали курьеровъ и служили въ дѣйствующемъ отрядѣ. Не смотря, однако, на улучшеніе нашего положенія въ матеріальномъ отношеніи, мы находились въ самомъ опасномъ положеніи и со всѣхъ сторонъ были окружены шпионами. Опасно даже было говорить громко и потому мы разговаривали между собою шопотомъ. Лишенные всякихъ вѣрныхъ свѣдѣній о совершавшихся, виѣ нашихъ дѣлѣхъ, событіяхъ и находясь въ тюремномъ заключеніи, подъ присмотромъ караульныхъ, разставленныхъ у дверей противолежащихъ комнатъ и на смежныхъ дворахъ, можно было ожидать всякую минуту, что эмиръ, для доказательства своего могущества передъ народомъ и для возбужденія еще большаго религіознаго фанатизма или посадить насъ въ яму, или казнить насъ, какъ шпионовъ. Желая устранить всѣ предлоги къ обвиненію въ шпионствѣ, я, къ крайнему моему сожалѣнію, принужденъ былъ сжечь всѣ географическія карты средней Азіи, подлинный дневникъ пребыванія въ Бухарѣ, и много записокъ о средней Азіи, веденныхъ какъ въ Ташкентѣ, такъ и въ Бухарѣ всего около 100 листовъ. Съ минуты на минуту можно было ожидать самаго строгаго обыска. Бухарцы еще въ Бухарѣ придавали необыкновенныя свойства телескопу, находившемуся у нашего чиновника. По прибытіи въ Самаркандъ, эмиръ обратилъ на него особенное свое вниманіе.

22-го, 24-го февраля и 4-го марта онъ присылалъ къ намъ двухъ своихъ приближенныхъ чиновниковъ. Одинъ изъ нихъ занималъ весьма важную должность при эмирѣ и имѣлъ въ рукахъ серебряный съ чернью топорикъ — знакъ его высокаго званія. Тонъ, манеры и обращеніе этихъ чиновниковъ, которые часто прибѣгали къ угрозамъ, ясно показывали, что эмиръ не прочь былъ обвинить насъ въ чемъ нибудь и поступить съ нами весьма дурно. Чиновники объявляли, что намъ вѣтъ дѣла ни до Государя Императора, ни до генерала Черняева, такъ какъ мы находимся въ Бухарѣ, гдѣ и должны безпрекословно исполнять приказанія эмира. — Сперва они настоятельно требовали объясненій: кѣмъ мы именно присланы къ эмиру и не люди ли мы генерала Черняева? На это они получили отвѣтъ, что мы подданные Блага Царя и присланы по распоряженію правительства. Потомъ они требовали, чтобы мы просили прямо Государя Императора о нашемъ освобожденіи, помимо даже оренбургскаго генераль-губернатора и чтобы Россія уступила за насъ Бухаръ Ташкентъ и всѣ мусульманскія земли до Семипалатинска и Оренбурга. Получивши на все это отрицательный отвѣтъ, чиновники останавливались на р. Сыръ-Дарьѣ, которая была бы границею между двумя государствами. При этомъ они требовали отъ насъ просить оренбургскаго генераль-губернатора прислать официальную бумагу съ большою государственною печатью для удостовѣренія, что между Россіею и Бухарою будетъ дружба и миръ. Чиновники еще настоятельно требовали объясненій: не имѣетъ ли телескопъ какихъ-нибудь особенныхъ свойствъ, чтобы видѣть все, что дѣлается въ городахъ? Потомъ спрашивали опять: кто такой казакъ безъ пальцевъ и не скрывается ли подъ этимъ именемъ какое-нибудь важное лицо? Получивши на то и другое отрицательный отвѣтъ, чиновники требовали и лично осматривали, какъ казака безъ пальцевъ, такъ и трубу, въ которую они ровно ничего не видѣли. Для большаго ли удостовѣренія въ правдивости нашихъ словъ, или для провѣрки донесеній чиновниковъ, казака безъ пальцевъ водили къ самаркандскому беку и къ нему также носили трубу для лучшаго ея осмотра. Бухарцы полагали, что телескопъ переворачиваетъ городъ вверхъ такъ, что все можно видѣть, что дѣлается на улицахъ и въ домахъ, сколько въ городахъ жителей и сколько войска. Придавая такое громадное значеніе трубѣ, чиновники эмира не довольствовались своими изслѣдованіями: они сильно страшали нашихъ мусульманъ грозили нашему муллѣ, Магомедъ-Шарифу, смертною казнію за невѣрность показаній и требовали клятвы, что въ трубу не видно, что дѣлается въ городахъ и домахъ. Хотя мулла и далъ въ этомъ клятву, но неувѣренность, что онъ показалъ правду, а также наша обстановка, отличное знаніе восточныхъ нравовъ, тонъ чиновниковъ и обращеніе ихъ, такъ подѣйствовали на нашего мусульманина, что онъ слегъ въ постель и получилъ тифозную горячку. Придя, однажды, къ намъ, чиновники для большей выразительности проводили пальцемъ по горлу, показывая тѣмъ, что могутъ перерѣзать насъ. Хотя потомъ они и говорили объ отсутствіи въ Бухарѣ обыкновенія рубить головы посланникамъ, но при этомъ добавляли, что если бы они знали, что мы люди генерала Черняева, то двухъ иличи (т. е. посланниковъ) слѣдовало бы бросить въ яму, а что касается прочихъ, то эта такая дрянь, о которой не стоитъ даже и говорить. Пытались сдѣлать насъ военнопленными, но получили энергическій протестъ. Распространялись также о магометанской религіи и объявляли, что кровь магометанъ уже пролита, что

въ Бухарѣ уже теперь всѣ, и старый и малый, вооружаются для отмщенія русскимъ за посрамленіе ихъ религіи. Подобные переговоры выказывали только, что мы находимся въ крайне-опасномъ положеніи, и что если не казнь, то яма, во всякомъ случаѣ, угрожала намъ впереди. Чиновники, посѣщая насъ, спрашивали еще о числѣ войскъ въ Россіи, о Кавказѣ, о мѣстопробываніи Шамиля и о содержаніи его въ Россіи. При этомъ случаѣ они не преминули намъ выставить на видъ могущество, силу и обширность бухарскаго ханства, которое нельзя даже проѣхать болѣе чѣмъ въ двѣ недѣли. Наконецъ, чиновники, въ послѣдній свой визитъ, спросили гдѣ мы, послѣ отъѣзда эмира, желаемъ остаться, въ Самаркандѣ или Бухарѣ? Мы объявили, что намъ пріятнѣе быть тамъ, гдѣ самъ эмиръ находится, и что это совершенно зависить отъ его усмотрѣнія.

6-го марта, эмиръ отправился въ дѣйствующую армію. Мы остались въ Самаркандѣ, подъ наблюденіемъ сына самаркандскаго бека. Послѣ отъѣзда эмира, насъ начали держать гораздо строже. Караулъ за нами сдѣлался самымъ усиленнымъ. Одну противоположную среднюю дверь совершенно замазали, а остальные двери заперли на замки и отворяли только тогда, когда или бекъ хотѣлъ посмотрѣть на насъ, или показать насъ кому-нибудь, или нужно было пронести къ намъ воду, провизію и другія вещи. Въ сумерки, тотчасъ послѣ вечерняго намаза, стали появляться на крышахъ люди, которые били немилосердно всю ночь въ барабаны, вѣроятно, для того, чтобы показать, какъ они усердно стерегутъ насъ. Бухарцы полагали, что мы такіе магики и кудесники, что въ одно прекрасное утро можемъ исчезнуть изъ Самарканда. Изъ постороннихъ никто не допускался къ намъ и насъ только изрѣдка навѣщала марахуръ (*). Онъ и прислуга его, однако, покупали для насъ разныя необходимыя вещи. Все наше время проходило въ прогулкѣ по двору, и въ самыхъ разнообразныхъ разсужденіяхъ, по поводу разнорѣчивыхъ свѣдѣній, получаемыхъ нами кое-когда отъ персіянина Ибрагима, водоноса, поставщика провизіи и иногда отъ марахура. Находясь самъ подъ разными впечатлѣніями, марахуръ то критиковалъ дѣйствія эмира и не одобрялъ его поступки, то превозносилъ мудрость, величіе и могущество своего повелителя, то хвастался своимъ родствомъ съ эмиромъ, который въ Самаркандѣ женился на его дочери и отправилъ ее въ Бухару въ гаремъ. Марахуръ всегда скрывалъ отъ насъ всѣ неудачи эмира и только персіянинъ Ибрагимъ, пользуясь каждымъ благоприятнымъ случаемъ, сообщалъ ихъ намъ, хотя иногда въ преувеличенномъ видѣ. Персіяне-невольники сильно ненавидятъ бухарцевъ и всегда съ распростертыми объятіями готовы встрѣчать каждаго иностранца, съ которымъ они только приходятъ въ соприкосновеніе. Какихъ только штукъ Ибрагимъ не выкидывалъ, чтобы намъ передать кое-что. Онъ то появлялся на крышѣ и разговаривалъ съ нашими киргизами; то соскакивалъ съ крыши на маленькій нашъ дворикъ и сообщалъ что-нибудь; то ложился у дверей и черезъ щель внизу звалъ кого-нибудь къ себѣ для передачи чего-нибудь; то, пользуясь разными предлогами, прямо прибѣгалъ къ намъ въ комнату. Понимая всю опасность его поступковъ, мы постоянно удивлялись его излишней преданности къ намъ, за что онъ легко могъ лишиться головы. Дѣйствія Ибрагима можно только объяснить чрезвычайною ненавистью, которою пропитаны всѣ персіяне-невольники къ бухарцамъ. Однажды на улицахъ Самарканда произошло особенное движеніе. Видно было, что какое нибудь необыкновенное событіе случилось. Пришелъ марахуръ и сообщилъ намъ, что въ городъ привезли плѣннаго русскаго офицера, 70 плѣнныхъ русскихъ и цѣлый мѣшокъ ушей. Но Ибрагимъ не преминулъ опровергнуть это, и сказалъ, что привезли только двухъ плѣнныхъ. Вообще, свѣдѣнія, получаемыя нами, были самыя разнорѣчивыя: мы узнавали то о началѣ переговоровъ, то объ открытіи военныхъ дѣйствій и находились въ полномъ невѣдѣніи о томъ, что дѣйствительно происходило между двумя арміями, стоявшими другъ противъ друга. Вскортъ послѣ отъѣзда эмира, вернулись въ Самаркандъ изъ-подъ Джюзака талаиры — итшій народъ, вооруженный дубинами и всѣмъ, чѣмъ попало. Это подало многимъ поводъ думать, что эмиръ желаетъ вступить въ переговоры и заключить миръ. Хотя марахуръ говорилъ намъ объ этомъ, но всѣ ошибались въ своихъ предположеніяхъ. Гораздо вѣрнѣе были другіе слухи, что генераль Черняевъ стоитъ на р. Сыръ-Дарьѣ и требуетъ выдачи насъ, а эмиръ ничего не отвѣчаетъ ему, что лагерь нашъ былъ неприступенъ и окопанъ рвами, въ которые проведена вода изъ р. Сыръ-Дарьи, что было дѣло съ русскими и что они уже стоятъ на Учъ-Тюбе, въ 8-ми верстахъ отъ Джюзака, что эмиръ находился близъ Ура-Тюбе и собирался съ коканскимъ ханомъ идти на Ташкентъ. Одновременно съ этими воинственными слухами доходили до насъ и мирныя извѣстія. Надежда на открытіе переговоровъ особенно возобновилась, когда изъ комнаты самаркандскаго бека вышелъ чиновникъ (гоксаба) и сообщилъ, что въ нашъ отрядъ пріѣхало изъ Петербурга весьма важное лицо, съ которымъ начнутся переговоры и все кончится хорошо. Но на дѣлѣ оказалось, что съ средне-азіатскимъ деспотомъ, который не признаетъ никакихъ международныхъ сдѣлокъ, кромѣ силы оружія, немислимы переговоры. Сознавая вполне всю бесполезность бумажной переписки съ эмиромъ, съ которымъ можно переговариваться только посредствомъ штыка и пули, я всегда былъ того убѣжденія, что одни рѣшительныя военныя дѣйствія могли освободить насъ изъ его когтей и положить конецъ томительному нашему заключенію, хотя, съ другой стороны, военныя дѣйствія, повидимому, были сопряжены съ большими для насъ опасностями. Нѣкоторые

(*) Чиновникъ, въ непосредственномъ вѣдѣніи котораго мы находились въ Самаркандѣ.

полагали, что эмир, въ случаѣ пораженія и разгрома его арміи, можетъ или казнить насъ, или посадить въ яму, или отправить въ Бухару, въ Карши и даже далѣе. При такой обстановкѣ и въ постоянномъ ожиданіи или казни, или ямы, или свободы, мы провели все время нашего пребыванія во владѣніяхъ бухарскаго эмира до самаго нашего прибытія въ предѣлы Россіи. Нимѣя съ собою календаря, мы праздновали Пасху 10-го апрѣля, вмѣсто 27-го марта, а 13-го апрѣля наши мусульмане справляли свой большой магометанскій праздникъ, Курбанъ. Маракхуръ для этихъ двухъ праздниковъ закупилъ на наши деньги баранины, говядины, масла, муки, изюмъ и проч. Самаркандскій бекъ остался весьма не доволенъ этимъ. Онъ немедленно смѣнилъ и наказалъ приставленныхъ къ намъ лицъ, а надзоръ за нами усилилъ; всѣ противоположныя двери были окончательно заперты на замки. Отворялась только одна средняя дверь, у которой стоялъ сторожъ бухарецъ и снималъ замокъ только тогда, когда нужно было къ намъ пронести воду и провизію. Кромѣ этого сторожа, ни одного бухарца при насъ уже не состояло и никто не допускался къ намъ. Мало того, когда водоносъ приносилъ намъ воду, то его сопровождалъ сторожъ-бухарецъ, а поставщика провизіи и вовсе не впускали на нашъ дворъ. Дрова и провизія складывались у дверей, откуда наши люди и брали ее.

Находясь въ такомъ строгомъ и мучительномъ заключеніи, мы только около 10-го мая получили свѣдѣніе, что бухарская армія совершенно разбита нашими войсками, что эмиръ едва спасся бѣгствомъ, что главнокомандующій бухарскими войсками, Шаралы-бекъ, раненъ и что много приближенныхъ лицъ эмира убито. Объ этомъ громко говорили за нашими стѣнами бухарцы. Наши киргизы подслушивали ихъ разговоры и передавали намъ разныя новости. Жители Самарканда находились въ паническомъ страхѣ. Они ожидали прибытія нашихъ войскъ, которыя, по ихъ словамъ, преслѣдуя бухарскую армію, ворвались и взяли уже Джюзакъ. Вскорѣ свѣдѣніе о пораженіи эмира подтвердилось и официально. 13-го мая, вечеромъ, прибылъ къ намъ бѣглый русскій татаринъ, Каратаевъ, другъ и совѣтникъ эмира. Онъ объявилъ, что между русскими и бухарскими войсками была небольшая стычка, и требовалъ, чтобы мы немедленно написали письмо къ военному губернатору Туркестанской области о томъ, что мы черезъ два дня выѣзжаемъ изъ Самарканда и что эмиръ желаетъ возстановить прежнюю дружбу съ Россіею. Каратаевъ просилъ еще добавить въ письмо, что происшедшія военныя дѣйствія были вызваны мусульманскимъ закономъ, требовавшимъ отмщенія за приходъ русскихъ въ предѣлы Бухары, и что дѣло, продолжавшееся ровно два часа, было остановлено самимъ эмиромъ. Обо всемъ этомъ мы написали письмо и передали Каратаеву. На другой день, прибылъ въ Самаркандъ и самъ эмиръ съ отрядомъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ, вмѣсто 40,000-й арміи, которую онъ вывелъ въ поле противъ незначительнаго нашего отряда. Все бухарское ханство было беззащитно и эмиръ находился въ безвыходномъ положеніи: его войска разбѣжались, денегъ не было, орудія брошены, а народъ былъ въ паническомъ страхѣ и ожидалъ со дня на день прибытія русскихъ въ Джюзакъ и даже въ Самаркандъ. Желая оправдать себя въ глазахъ народа и свалить всю отвѣтственность за войну съ Россіею и за свое пораженіе на другихъ, эмиръ, по приѣздѣ въ Самаркандъ, началъ карать своихъ приближенныхъ лицъ, которыя совѣтовали ему открыть непріязненные дѣйствія противъ Россіи. Раненый главнокомандующій бухарскими войсками, Шаралы-бекъ, былъ отрѣшенъ отъ должности самаркандскаго бека и назначенъ бекомъ маленькаго города. Вмѣстѣ съ Шаралы-бекомъ сдѣлались опасными все его семейство и всѣ его родственники. Пострадали также и многія другія лица, состоявшія при эмирѣ. Каратаевъ, который былъ противъ войны и говорилъ откровенно эмиру о вредныхъ ея послѣдствіяхъ, остался по прежнему въ милости. Онъ пользовался большимъ довѣріемъ эмира и былъ главнымъ его совѣтникомъ во время переговоровъ при отправленіи насъ въ Ташкентъ. Каратаевъ много содѣйствовалъ нашему освобожденію. По его ходатайству были также отпущены 8 русскихъ плѣнныхъ, находившихся въ Самаркандѣ. Каратаевъ былъ, по видимому, весьма недоволенъ своимъ положеніемъ и отзывался съ большимъ пренебреженіемъ о Бухарѣ. Ему очень хотѣлось ѣхать въ Ташкентъ, въ качествѣ переводчика при посольствѣ, которое эмиръ предполагалъ отправить вмѣстѣ съ нами къ военному губернатору Туркестанской области. Мы также предлагали Каратаеву ѣхать въ Ташкентъ, гдѣ хотѣли отблагодарить его за горячее участіе, принимаемое имъ въ нашемъ освобожденіи. Обнадеженный нами, что онъ не будетъ задержанъ въ Ташкентѣ, Каратаевъ подалъ эмиру докладную записку объ отправленіи его съ бухарскимъ посланникомъ. Но эмиръ сталъ подозрѣвать Каратаева въ желаніи бѣжать въ Россію. Для точнаго дознанія переговоровъ, бывшихъ между нимъ и нами, по поводу поѣздки его въ Ташкентъ, эмиръ присылалъ къ намъ сына самаркандскаго бека. Съ своей стороны мы употребили всѣ средства, чтобы разсѣять подозрѣнія эмира. Не смотря, однако, на это, Каратаевъ нѣсколько времени не приходилъ къ намъ. Это обстоятельство подало намъ поводъ къ различнымъ опасеніямъ на счетъ предположеній эмира, тѣмъ болѣе, что срокъ, назначенный имъ въ письмѣ генералу Романовскому, прошелъ, а насъ не отпускали. Однажды Каратаевъ опять пришелъ къ намъ и передалъ, что мы положительно ѣдемъ въ Джюзакъ, откуда джюзакскій бекъ отправить насъ далѣе въ Чиназъ. Дѣйствительно, около полудня, 19-го мая, намъ принесли подарки, которые были вѣрнымъ признакомъ скорого нашего отъѣзда. Подарки распредѣлялись по чинамъ и состояли изъ лошадей и халатовъ. Трѣмъ старшимъ офицерамъ назначалось по два халата (шелковый нижній и кашемировый верхній) и по лошади съ полною верховою сбруею;

двумъ офицерамъ по парчевому халату; казачьимъ урядникамъ и почетнымъ киргизамъ по шелковому халату, а казакамъ и прочимъ киргизамъ по бумажному халату. Сверхъ этого, эмиръ прислалъ 1,000 р. сер. на путевые расходы до Ташкента и отпустилъ съ нами 8 русскихъ пѣхн-ныхъ. Въ этотъ же день, въ сумерки, Каратаевъ и церемоніймейстеръ эмира пришли къ намъ и предложили вѣсть намъ (т.-е. офицерамъ) въ жалованныхъ халатахъ отправиться пѣшкомъ къ эмиру на прощальную аудіенцію, а казаковъ и джигитовъ оставить дома. Пройдя нѣсколько улицъ, мы прошли чрезъ дворъ, гдѣ находились жалкіе тѣлохранители эмира, въ проходную комнату со скамейками по стѣнамъ, на которыхъ сидѣли придворные. Пройдя еще комнату, мы вышли на большой дворъ, на противоположной сторонѣ котораго находился глиняный домъ съ террасой. На террасѣ, у дверей въ комнату, сидѣлъ на коврѣ эмиръ въ бѣлой чалмѣ, съ босыми ногами, поджавъ ихъ по восточному обычаю. По церемоніалу, мы сняли шапки и преклонились. Эмиръ пожелалъ намъ счастливаго пути и благополучнаго возвращенія на родину. Послѣ этого приѣма мы отправились обратно въ цитадель и немедленно стали собираться въ дорогу. Бухарцы возвратили намъ нашихъ лошадей испорченными и въ страшно измученномъ видѣ, а нѣкоторыя были даже ранены. Оружія намъ не отдали. Бухарцы сложили его отдѣльно на арбу, везли за нами и обѣщали намъ выдать его въ Джю-закѣ.

Отправляя насъ, Каратаевъ просилъ именемъ эмира прислать изъ Россіи въ подарокъ его государю лечебникъ, искусство искать золото, афродизіакальныя средства и механическую женщину, которую можно было бы складывать и возить съ собою въ походахъ. При этомъ Каратаевъ объявилъ, что эмиръ ни въ какомъ случаѣ не согласенъ имѣть русскихъ консуловъ въ своихъ владѣніяхъ; что объ интересахъ русскихъ купцовъ будутъ заботиться Каратаевъ и другія приближенные лица эмира; что эмиръ думаетъ устроить таможеню на берегахъ р. Сыръ-Дарьи, куда будутъ свозиться товары для отправленія въ Россію и что граница между Коканомъ и Бухарою будетъ по рѣкѣ Аксу.

А. Глуховскій.

(Продолженіе будетъ).

ВОСКРЕСЕНЬЕ

№ 100

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

за годъ 14 р., за полгода 8 р., за
мѣсяцъ 1 р. 50 к. Безъ доставки
подписка не принимается. Служа-
щіе гг. офицеры и гражданскіе чя-
новники могутъ выписывать чрезъ
своихъ казначеевъ, съ разсрочкою.

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ редакціи, въ зданіи Главнаго Штаба,
подъездъ съ Адмиралтейской площади; въ книжныхъ магазинахъ: главнаго комиссіонера *Русскаго Инвалида*, Я. А. Исакова, въ Гости-
номъ дворѣ, по Сувор. лин., № 24; А. Ө. Базунова, на Невск. пр., въ д. Ольхиной; А. И. Давыдова, на Невскомъ, противъ
Аничкова дворца, домъ Петрова; въ *Восковой Типографіи*, въ зданіи Главнаго Штаба; въ конторахъ редакцій: *Сынъ Отечества*—
на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Петропавловской церкви, и С.-Петербургскія *Полицейскія Вѣдомости*—на Адмиралтейской

ГОДЪ

РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ

ВѢДОМОСТИ ВОЕННЫЯ, ПОЛИТИЧЕСКІЯ, УЧЕНЫЯ И ЛИТЕРАТУРНЫЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО, КРОМЪ ДНЕЙ, СЛѢДУЮЩИХЪ ЗА ТАБЕЛНЫМИ ПРАЗДНИКАМИ.

площади, между Гороховою улицею и Вознесенскимъ проспектомъ, домъ Гамбса, № 8. Въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева
(бывш. Базунова), на Страстномъ бульварѣ; въ почтамтѣхъ: с.-петербургскомъ и московскомъ, и въ тѣхъ почтовыхъ конторахъ,
гдѣ подписка на газеты принимается.

КАЗЕННЫЯ И ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ, для напечатанія въ *Русскомъ Инвалидѣ*, принимаются во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ,
гдѣ принимается подписка на газету, за исключеніемъ почтовыхъ конторъ.

14 АПРѢЛЯ

26

1868

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

взимается за 1 разъ, петитомъ—8 к.
за строку. Печатающіе объявленія
3 раза пользуются уступкою. Рекла-
мы 20 к. за строку. За употребленіе
рамокъ прибавляется $\frac{1}{4}$ цѣны всего
объявленія. За разсылку при газетѣ
особыхъ объявленій—по 4 рубля
съ тысячи.

55-й.

ПЛѢНЪ ВЪ БУХАРѢ (*).

(Окончаніе).

Насъ задерживаютъ въ Джюзакѣ. — Важность Джюзака въ политическомъ, военномъ и торговомъ отношеніяхъ. — Извѣстія о взятіи русскими Ходжента и Нау. — Надзоръ за нами усиливается. — Опять угрозы. — Коварство, хитрость и обманъ — какъ неизбежные атрибуты бухарской политики. — Отъѣздъ изъ Джюзака въ Чиназъ. — Мы на родинѣ! — Взглядъ на будущее значеніе Джюзака и условія, при которыхъ оно можетъ развиваться. — Заключение.

Вечеромъ 19-го мая, мы отправились изъ Самарканда, подъ прикрытіемъ бухарскаго отряда въ 50 человекъ, находившагося подъ командою бека кр. Нау. Ночью мы совершили благополучно трудную переправу черезъ рѣку Зарявшанъ-Дарью и 20-го мая въ сумерки прибыли въ кр. Яны-Курганъ. Во время дороги конвойные обходились съ нами довольно хорошо и народъ не выказывалъ никакихъ враждебныхъ демонстрацій противъ насъ, не смотря на разгромъ бухарской арміи нашими войсками. По пріѣздѣ въ Яны-Курганъ, намъ подали угощеніе, а для лошадей отпустили фуражъ. На другой день рано утромъ, мы отправились въ кр. Джюзакъ, куда и прибыли въ полдень. Многочисленная толпа народа ожидала насъ на всѣхъ улицахъ. Подъ прикрытіемъ нашихъ конвойныхъ мы слѣдовали среди массъ народа до лѣтняго дома джюзакскаго бека, гдѣ останавливались и прежде во время перваго нашего проѣзда. По прибытіи въ Джюзакъ, мы располагали уже на другой день выѣхать изъ Джюзака въ Чиназъ, но не замедлили въ этомъ разочароваться. Намъ объявили, что мы задержаны въ Джюзакѣ впродолженіе до полученія отвѣта на наше самаркандское письмо. Опять мы очутились въ неопредѣленномъ и тягостномъ положеніи. Участь наша далеко еще не была рѣшена. Наше положеніе облегчалось только тѣмъ, что въ Джюзакѣ мы находились при лучшей обстановкѣ, чѣмъ въ Бухарѣ и Самаркандѣ. Въ Джюзакѣ намъ отвели просторное помѣщеніе съ обширнымъ садомъ, въ которомъ мы проводили большую часть нашего времени. Расположенный при подношвіи Джюзакскихъ горъ, Джюзакъ отличается весьма здоровымъ климатомъ. Близость горъ освѣжаетъ воздухъ и уменьшаетъ сильные жары, господствующие лѣтомъ въ окружающихъ степяхъ. Дожди здѣсь, по видимому, не составляютъ чрезвычайную рѣдкость. Во время нашего пребыванія въ Джюзакѣ, облака часто носились надъ горами и изрѣдка падалъ небольшой дождь. Отсутствие особенной сухости воздуха замѣтно здѣсь, и потому, что хлѣбъ рождается на склонахъ горъ, гдѣ нѣтъ рѣкъ и не можетъ быть никакого орошенія, кромѣ естественнаго. Самыя же джюзакскія горы безлѣсны и безплодны. Высшая ихъ точка находится въ нѣсколькихъ верстахъ на сѣверъ отъ Джюзака. Здѣсь стоитъ довольно высокая гора Богдо, покрытая, большею частію, туманомъ. Отъ горы Богдо, хребетъ горъ поворачиваетъ прямо на западъ и получаетъ названіе Нуратинскихъ горъ. Какъ Джюзакскія горы, такъ и продолженіе ихъ на югъ, Уратюбинскія горы, совершенно отдѣляютъ Зарявшанскую долину или собственно бухарское ханство отъ Сыръ-Дарьинскаго бассейна. Джюзакскія горы круты и каменисты, а потому только всадники могутъ проходить ихъ по различнымъ направленіямъ. Черезъ эти горы извѣстны до-сихъ-поръ только двѣ дороги, по которымъ можетъ производиться торговое движеніе. Одна дорога протекаетъ черезъ самый хребетъ горъ и находится близъ

(*) См. № 99-й *Русской Инвалида*.

с. Рабатъ, въ 12-ти верстахъ отъ Джюзака. Этотъ путь весьма труденъ, не удобенъ и возможенъ для прохода всадниковъ и верблюдовъ только лѣтомъ и раннею осенью, а потомъ онъ, какъ говорятъ, бываетъ заваленъ снѣгомъ. Другая дорога, удобная для движенія всякихъ транспортовъ изъ Сыръ-Дарьинскаго бассейна въ г. Бухару, идетъ по ущелію Джаманъ-Уты, которое находится въ 4-хъ верстахъ отъ Джюзака. Все сообщеніе между Бухарой, Коканомъ и Ташкентомъ производится единственно только по этому ущелію. Городъ Джюзакъ, расположенный на перекресткѣ путей изъ Бухары въ Коканъ и Ташкентъ, разделяетъ бухарское ханство отъ коканскаго и уничтожаетъ всякій выходъ непріятельской арміи изъ долины р. Заряшана къ р. Сыръ-Дарьѣ. По этому, Джюзакъ играетъ чрезвычайно важную роль и въ политическомъ и въ военномъ и въ торговомъ и даже въ экономическомъ отношеніяхъ. Мѣстность около гор. Джюзака довольно хорошо обработана, хотя она и тянется на большое протяженіе. Но въ прежнее время предѣлы населенной полосы далеко углублялись въ степь. Теперь на этихъ мѣстахъ остались только слѣды бывшего процвѣтанія Джюзака. На сѣверъ отъ него тянется обширная долина Кыллы вдоль рѣки того же имени, которая врѣзывается въ степь, орошаетъ обработанныя полосы около Чимъ-Кургана, протекаетъ значительное пространство по степи и впадаетъ въ соляное озеро, расположенное въ 40 верстахъ отъ Сыръ-Дарьи. Долина Кыллы и окрестности Джюзака представляютъ много свободныхъ удобныхъ земель и служатъ хорошимъ залогомъ будущаго развитія этого города. Даже и теперь сады Джюзака обширны; хлѣбопашество значительно и цѣны на всѣ продукты были дешевы. Джюзакскій базаръ отличался своимъ многолюдствомъ. Въ базарные дни сюда стекались въ большомъ количествѣ не только окрестные жители и кочующіе вблизи киргизы, но даже и узбеки, живущіе по ту сторону горъ. Во время нашего пребыванія въ Джюзакъ наши киргизы, съ разрѣшенія бухарскихъ властей, часто ходили на базаръ для разныхъ закупокъ. Хотя провизія для насъ и фуражъ для лошадей отпускались отъ казны, но намъ не запрещали покупать необходимыя для насъ вещи. Этимъ мы воспользовались для поправленія измученныхъ нашихъ лошадей, которымъ стали давать усиленные порціи клевера и ячменя. Между тѣмъ, мы все-таки находились подъ надзоромъ, и по вечерамъ на дворахъ и въ корридорѣ, соединявшемъ ихъ, показывались часовые, а на нашихъ крышахъ являлись сторожа и били въ барабаны. Впрочемъ, бухарцы не преминули объяснить намъ, что они не давали намъ покоя всю ночь, для того, чтобы охранять насъ отъ какихъ-то шалуновъ или негодяевъ, которые, будто бы, могли потревожить насъ. Надзоръ за нами сдѣлался сильнѣе по взятіи нашими войсками Ходжента и Нау. Паденіе этихъ крѣпостей сильно подѣйствовало на бухарцевъ, которые требовали отъ насъ объясненій, почему взять Ходжентъ? Получивъ отвѣтъ, что наши войска, по всей вѣроятности, будутъ двигаться до тѣхъ поръ, пока мы не будемъ освобождены, бухарцы не удовольствовались этимъ. Они намекали намъ на то, что мы вполнѣ находимся въ ихъ рукахъ и что если будетъ война, то лучше съ нами покончить. Бухарцы, прежде нашего освобожденія, требовали рѣшительнымъ тономъ общаній отъ насъ и отъ нашего начальства, чтобы оно дало удостовѣреніе, что между Россією и Бухарою будетъ дружба и что войска наши не будутъ двигаться впередъ, а перейдутъ обратно на правый берегъ р. Сыръ-Дарьи. Бухарцы требовали, чтобы мы написали объ этомъ письмо къ военному губернатору. Но послѣ грубой лжи, коварной хитрости и наглыхъ обмановъ азійскаго деспота, можно ли было вѣрить какимъ-либо его общаніямъ и полагаться на наши письма, которыя могли быть вынуждены обстоятельствами? Конечно нѣтъ, тѣмъ болѣе, что мы писали о нашемъ выѣздѣ изъ Самарканда въ Ташкентъ 15-го мая, а между тѣмъ срокъ прошелъ и мы все-таки сидѣли въ заключеніи. Поэтому бухарцамъ было предложено отправить для переговоровъ въ нашъ лагерь одного изъ нашихъ офицеровъ, который лично могъ бы все рассказать. Бухарцы долго не соглашались на это и все предлагали послать киргиза или казака. Наконецъ, они рѣшились отправить въ Ходжентъ сотника Герасимова, и то только подъ условіемъ, чтобы онъ, во всякомъ случаѣ, вернулся обратно. Съ нимъ джюзакскій бекъ отправилъ своихъ людей, которые черезъ нѣсколько дней привезли письмо отъ военнаго губернатора Туркестанской области. Это письмо немедленно было послано къ эмиру въ Самаркандъ, откуда онъ и прислалъ разрѣшеніе отправить насъ изъ Джюзака черезъ голую степь въ Чиназъ. Хотя нашъ отрядъ находился въ Ходжентѣ и дорога къ нему пролегла черезъ Ура-Тюбе и Нау, по мѣстностямъ обработаннымъ и населеннымъ, но бухарцы, по какимъ-то причинамъ, не желали направить насъ по ней. Вѣроятно, они боялись, чтобы мы не осмотрѣли эту дорогу и не собрали бы кое-какихъ свѣдѣній о лежащихъ на пути крѣпостяхъ и округахъ. Впрочемъ, мы были такъ рады вырваться изъ рукъ эмира, что для насъ все равно было ѣхать по какой бы то ни было дорогѣ, лишь бы только добраться до предѣловъ Россіи. По полученіи разрѣшенія, мы немедленно начали собираться въ дорогу. Бухарцы помогали намъ, закупаая на нашъ счетъ всѣ вещи, необходимыя для дороги. Для предстоявшаго перехода по пустынной степи мы взяли кожаные мѣшки (турсуки) съ водою и запаслись провизією, дровами, клеверомъ и ячменемъ. Оружія, однако, намъ не выдали въ Джюзакъ, а сложили на арбу и разрѣшили взять его на Учъ-Тюбе, въ 8-ми верстахъ отъ города. Джюзакскій бекъ отправилъ съ нами чиновника, состоявшаго при насъ въ Джюзакъ приставомъ, съ письмомъ къ военному губернатору, и далъ нѣсколько человѣкъ для сопровожденія насъ. Мы сами требовали этого и не желали ѣхать одни, чтобы, въ случаѣ какого-нибудь несчастія, сдѣлать отвѣтственнымъ за него

и эмира. Бывши въ такой странѣ, гдѣ коварство, хитрость и обманъ считаются первыми добродѣтелями, намъ нельзя было вѣрить чему бы то ни было и необходимо было соблюдать осторожность во всемъ. Хотя мы и убѣждались изъ варварской страны, но кто могъ быть вполне увѣренъ въ томъ, что мы благополучно достигнемъ до предѣловъ Россіи? Еще въ Бухарѣ рассказывали намъ о прискорбномъ происшествіи съ персидскимъ посольствомъ. Когда оно прибыло къ отцу нынѣ тиранствующаго эмира, то онъ принялъ его очень хорошо, богато одарилъ все посольство и почетно отправилъ его въ Персію. Но, руководствуясь какими-то особенными причинами, эмиръ хотѣлъ уничтожить его. Приведеніе въ исполненіе этого намѣренія онъ поручилъ отряду туркменовъ, которые подстерегли на дорогѣ посольство, напали на него, людей перерѣзали, а вещи разграбили. Кто могъ поручиться, чтобы кровожадный эмиръ, руководствуясь какими нибудь нелѣпыми подозрѣніями и безразсудными соображеніями, не рѣшился бы выслать отрядъ на дорогу для нападенія на насъ? Это могло случиться тѣмъ легче, что предлоговъ для оправданія передъ нашимъ правительствомъ было много. Въ то время происходили военныя дѣйствія, степь была въ тревожномъ положеніи и шайки киргизовъ рыскали по ней. Эмиру не трудно было свалить всю вину и отвѣтственность за какое нибудь несчастіе на непокорныхъ киргизовъ, которое будто-бы вовсе ему не повинуются и не признаютъ его власть. Эмиръ счумѣлъ-бы выгородить себя отъ всякой солидарности съ ними. Для доказательства своей невинности и для удовлетворенія Россіи, эмиръ, пожалуй, или ей предоставилъ-бы расправиться съ киргизами, или самъ перерѣзалъ-бы множество народа и опустошилъ-бы всю степь. Эмиръ никогда не призадумался-бы ни передъ какими средствами для достиженія своей цѣли. Предполагая даже, что онъ не располагалъ перерѣзать насъ на дорогѣ, то все-таки кто могъ ручаться, что эмиръ, получивъ какія нибудь непріятныя свѣдѣнія не вернулъ-бы насъ обратно въ Джюзакъ? Ожидая всякихъ прискорбныхъ происшествій и, вмѣстѣ съ этимъ радуясь выѣзду и надѣясь на благополучное, можетъ быть, возвращеніе въ Россію, мы вечеромъ 31-го мая выѣхали изъ Джюзака. Народъ провожалъ насъ на улицахъ. Достигнувъ Учъ-Тюбе, мы сдѣлали привалъ близъ родника. Здѣсь мы разобрали оружіе съ арбы, на которой оно было сложено. Ружья и револьверы были заряжены и успѣхъ нашей поѣздки сдѣлался болѣе вѣроятнымъ. Во всякомъ случаѣ, мы рѣшились, въ виду какихъ нибудь непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, драться до послѣдней крайности и ни подъ какимъ предлогомъ не сдаваться и не возвращаться въ Джюзакъ. Сообразно этому были отданы приказанія казакамъ и джигитамъ ѣхать вмѣстѣ съ арбами и быть готовыми на всякій случай. Къ счастью, мы избегали всякихъ столкновеній. Около полудня 1-го іюня мы прибыли благополучно на Мурзарабатъ. Послѣ кратковременнаго здѣсь отдыха, мы отправились далѣе. Ночью пробѣхали степь и утромъ прибыли въ Новый Чиназъ. Трудно и даже невозможно описать всю нашу радость, когда мы увидѣли первое русское укрѣпленіе на берегахъ р. Сыръ-Дарьи. Здѣсь только мы увѣрились въ дѣйствительной нашей свободѣ и въ совершенной нашей безопасности. Оцѣнить вполне эти драгоцѣнныя для каждого человека блага, можетъ только тотъ, кто, подобно намъ испыталъ и перечувствовалъ все то, что мы перенесли во время 7-ми мѣсячнаго нашего заключенія въ варварской странѣ, гдѣ тиранство, деспотизмъ, жестокость, ложь, обманъ, коварство, хитрость, ханженство и лицемеріе считаются первыми добродѣтелями каждого высокопоставленнаго бухарца; гдѣ шпионство развито до невѣроятной степени, гдѣ вѣрять каждому доносу и всѣмъ нелѣпымъ слухамъ; гдѣ людей за всякую бездѣлицу рѣжутъ какъ куръ; гдѣ каждый подданный, ложась спать, не увѣренъ, что онъ къ утру останется въ живыхъ; гдѣ самые высокіе сановники не знаютъ, по выраженію Шакаула, когда ограбятъ и зарѣжутъ ихъ: утромъ или вечеромъ, ночью или днемъ.

Въ заключеніе я считаю не бесполезнымъ сказать нѣсколько словъ о Новомъ-Чиназѣ. Отправляясь въ концѣ 1865 года въ Бухару, на берегахъ р. Сыръ-Дарьи находился только Старый Чиназъ, который отличался весьма нездоровымъ климатомъ. Нашъ гарнизонъ сильно страдалъ тамъ отъ разныхъ болѣзней. Весною 1866 года Старый Чиназъ упраздненъ и вмѣсто него построена крѣпость «Новый Чиназъ», при впаденіи р. Чирчика въ р. Сыръ-Дарью.

Новый Чиназъ расположенъ на правомъ берегу рѣки Сыръ-Дарьи. На противоположномъ же лѣвомъ берегу находится небольшое предмостное укрѣпленіе, правѣе и лѣвѣе котораго тянутся камыши, а впереди его разстилается необозримая голая степь. Между этимъ предмостнымъ укрѣпленіемъ и крѣпостью Новый Чиназъ протекаетъ р. Сыръ-Дарья, образуя небольшой островъ на срединѣ теченія. Лѣвѣе Новаго Чиназа стелется среди камышей р. Чирчикъ, а правѣе его раскинута на берегу Сыръ-Дарьи довольно красивая солдатская слободка. Кругомъ слободки и крѣпостныхъ верковъ все голо и пусто. Вдалѣ только виднѣются сады Стараго Чиназа и нѣсколькихъ селеній, разбросанныхъ вблизи его. Въ Новомъ же Чиназѣ нѣтъ еще ни одного сада. Не смотря, однако, на это, для каждого русскаго Новый Чиназъ представляетъ самое отрадное явленіе среди окружающей безжизненной мѣстности. Откуда бы русскій не ѣхалъ: изъ Ташкента ли, или изъ Джюзака, онъ бываетъ одинаково обрадованъ появленіемъ въ мусульманской странѣ чисто-русскаго уголка. Въ настоящее время новочиназская пристань по временамъ сильно оживляется. Стоиленіе различныхъ командъ, обозовъ, транспортовъ и каравановъ придаютъ ей иногда необыкновенную дѣятельность. Въ Новомъ Чиназѣ чувствуется только крайній недостатокъ въ помѣщеніяхъ для проезжающихъ и въ правильной торговлѣ, которая удовлетворяла бы всѣ ихъ нужды. Въ солдат-

ской слободкѣ существуетъ только ничтожный базаръ, гдѣ иногда не бываетъ даже самыхъ необходимыхъ предметовъ потребления. Въ слободкѣ помѣстились какъ семейства русскихъ солдатъ, такъ и сарты. Число домовъ въ ней безпрестанно увеличивается. Съ августа по ноябрь мѣсяцъ 1866 года выстроено уже до 72-хъ домовъ. Если же принять во вниманіе, что подобная жизнь пробудилась на пустынныхъ берегахъ р. Сыръ-Дарьи въ нѣсколько мѣсяцевъ, то невольно приходишь къ убѣжденію, что Новый Чиназъ имѣетъ много данныхъ для своего развитія.

Дѣйствительно, Новый Чиназъ, находясь на р. Сыръ-Дарьѣ и на большой караванной дорогѣ изъ Бухары въ Ташкентъ, имѣетъ впереди хорошую будущность. Съ занятіемъ Джюзака значеніе Чиназа еще болѣе увеличивается. Черезъ него теперь будетъ пролегать не только коммерческій, но также военный и почтовый трактъ изъ Россіи въ Бухару. Особенно, въ торговомъ отношеніи, Новый Чиназъ будетъ играть весьма важную роль на берегахъ р. Сыръ-Дарьи. Здѣсь постоянно будетъ производиться переправа всѣхъ каравановъ и обозовъ, идущихъ изъ Бухары и Джюзака въ Ташкентъ и обратно. Теперь бесплатно переправляютъ только отряды, команды и казенные обозы. Переправа же всѣхъ частныхъ грузовъ, тяжестей и каравановъ отдана въ арендное содержаніе отъ казны мѣстнымъ жителямъ, которые для этого имѣютъ суда, въ родѣ нашихъ небольшихъ барокъ. О количествѣ переправляемыхъ грузовъ и о выгодахъ, получаемыхъ отъ нихъ, можно судить по арендной платѣ за содержаніе перевоза, которая каждый мѣсяцъ увеличивалась. Съ іюля мѣсяца по ноябрь 1866 года казна получала за отдачу переправы въ аренду 1,900 руб. Для безостановочнаго движенія всѣхъ транспортовъ предполагалось даже построить въ Новомъ Чиназѣ мостъ на р. Сыръ-Дарьѣ.

Значеніе и благосостояніе Новаго Чиназа будетъ еще быстрее возрастать съ развитіемъ судоходства по рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ. Новый Чиназъ, по своему положенію, принадлежитъ къ числу первостепенныхъ пристаней въ Туркестанской области. Здѣсь будетъ находиться главная стоянка всѣхъ пароходовъ для нагрузки и выгрузки различныхъ товаровъ и тяжестей, назначаемыхъ какъ для Ташкента и Бухары, такъ и для Россіи. Хотя судоходство по рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ теперь производится только до Ирджарскихъ пороговъ, но наши моряки надѣются, что по прибытіи новыхъ пароходовъ, мелко сидящихъ въ водѣ, можно будетъ подниматься и выше пороговъ. Въ Ташкентѣ всѣ вполне сознаютъ настоятельную необходимость принять какія либо мѣры для уничтоженія всѣхъ препятствій, еслибы они встрѣтились при приведеніи въ исполненіе этого предпріятія. Но если Ирджарскіе пороги и будутъ мѣшать судоходству по р. Сыръ-Дарьѣ, то они, по мнѣнію очевидцевъ, не могутъ препятствовать сплаву лѣса и даже товаровъ изъ Коканскаго ханства. Теперь Туркестанская область терпитъ крайній недостатокъ въ лѣсѣ. Потребность въ немъ такъ велика, что въ Ташкентѣ, со времени его занятія нами, множество садовъ срублено и цѣлые кварталы, покрытые прежде обширными садами, совершенно обнажились и обратились въ голыя мѣстности. Чиназъ еще болѣе нуждается въ лѣсѣ, чѣмъ Ташкентъ. Громадные сады Ташкента даютъ пока еще возможность удовлетворять всѣмъ мѣстнымъ потребностямъ. Но Новый Чиназъ находится совершенно въ другомъ положеніи. Какъ въ Старомъ Чиназѣ, такъ и въ окрестностяхъ его не имѣется такихъ обширныхъ садовъ, которые могли бы долго доставлять необходимое количество лѣса для различныхъ нуждъ. По этому, улучшеніе положенія Новаго Чиназа въ этомъ отношеніи вполне зависитъ отъ р. Сыръ-Дарьи. По всѣмъ собраннымъ свѣдѣніямъ, на ея верховьяхъ и на одномъ изъ ея притоковъ, р. Гулишану, растетъ лѣсъ. Теперь даже изъ верховьевъ р. Сыръ-Дарьи сплавляется въ г. Ходжентъ довольно значительное количество плотовъ изъ бревенъ. Но плоты эти доходятъ только до Ходжента, гдѣ всѣ и распродаются; внизъ же по теченію рѣки они еще не сплавляются. Судя по желѣзнымъ баркамъ, которыя поднимались до Ходжента и опять спускались внизъ до Чиназа безъ особенныхъ приключеній, можно вполне надѣяться, что для сплава лѣса не представится особенныхъ затрудненій. Почетный гражданинъ Хлудовъ, одинъ изъ нашихъ промышленныхъ дѣятелей въ г. Ташкентѣ, пошелъ еще далѣе. Онъ сообщалъ мнѣ о своемъ намѣреніи заказать барки въ Наманганѣ, нагрузить ихъ разными товарами и спустить внизъ по р. Сыръ-Дарьѣ въ фортъ № 1-й, гдѣ онъ располагалъ барки продать, а товары отправить въ Оренбургъ на верблюдахъ. Если бы операція г. Хлудова удалась вполне, то можно навѣрно сказать, что она произвела бы переворотъ въ мѣстной торговлѣ. Тогда на самомъ дѣлѣ была бы доказана возможность сплава внизъ по рѣкѣ различныхъ продуктовъ Коканскаго ханства. Торговые люди не замедлили бы воспользоваться этимъ болѣе дешевымъ способомъ перевозки товаровъ въ Россію, и всѣ Сыръ-Дарьинскіе форты стали бы получать по сходной цѣнѣ лѣсъ и сельскохозяйственныя произведенія прямо по Сыръ-Дарьѣ. Однимъ словомъ, открытіе судоходства по всему теченію р. Сыръ-Дарьи имѣло бы самыя благотѣльные послѣдствія для всей области. Тогда Чиназъ, выгодно расположенный на Сыръ-Дарьѣ относительно сосѣднихъ средне-азиатскихъ ханствъ и всего Чирчикскаго края, сдѣлался бы главнымъ складочнымъ мѣстомъ для торговли. Если что мѣшало и будетъ мѣшать успѣшному развитію городовъ и водворенію русскаго элемента на Сыръ-Дарьѣ, то это недостатокъ и дороговизна лѣса для построекъ. Что же касается до другихъ средствъ, то какъ Чиназъ, такъ и вообще вся Чирчикская долина обладаютъ многими данными для русской колонизаціи. Мало того, при настоящемъ положеніи дѣлъ въ Туркестанской области, эта долина представляетъ особенныя удобства для русскихъ поселеній. Необыкновенное плодородіе земли, большой доходъ, получаемый отъ ея обработки и разведенія са-

довъ, значительное количество удобныхъ земель, или свободныхъ, или могущихъ поступить въ продажу; большое число пустыхъ земель, никѣмъ незанятыхъ и находящихся частью подъ камышами и болотами; удобство и легкость орошенія; вѣрный сбытъ земледѣльческихъ произведеній, и, наконецъ, сосредоточеніе въ г. Ташкентѣ всѣхъ родовъ промышленной дѣятельности, могущей удовлетворить всѣмъ потребностямъ русскихъ поселенцевъ, безъ особенныхъ затрудненій, — все это, вмѣстѣ взятое, неоспоримо утверждаютъ теперь за Чирчикскою долиною всѣ преимущества для успѣшнаго водворенія русскихъ поселеній, сравнительно съ другими мѣстностями въ Туркестанской области. Русскимъ поселенцамъ нѣтъ никакой надобности разбрасываться среди многочисленнаго мусульманскаго населенія, а, напротивъ, чѣмъ русскіе будутъ болѣе сгруппированы, тѣмъ будетъ лучше для самихъ же поселенцевъ. Кроме того, по верховьямъ р. Чирчика открыты уже признаки золота и найденъ лѣсъ, сплавъ котораго по р. Чирчику можетъ быть будетъ возможенъ, хотя и съ большими затрудненіями. Въ нѣдрахъ горъ, лежащихъ по притокамъ Чирчика, по всей вѣроятности, находится каменный уголь и скрываются большія минеральныя богатства, могущія оживить и обогатить еще болѣе Чирчикскій край. Въ особенности большое развитіе и значеніе получить разработка каменнаго угля. Кроме копей около Чекмента, изъ которыхъ онъ уже добывается въ настоящее время, есть признаки его мѣсторожденій, удаленные не болѣе 30-ти верстъ отъ Сыръ-Дарьи (около г. Туркестана).

А. Глуховскій.